

Юрий Михайлов

Колесница

Лауреаты
национальной
литературной премии
«Писатель года»

Юрий Михайлов
Колесница (сборник)

«Автор»

2013

Михайлов Ю. Х.

Колесница (сборник) / Ю. Х. Михайлов — «Автор», 2013

ISBN 978-5-91945-456-4

В книге «Колесница» собраны повести, написанные автором с 2011 года. Главный герой в них – любовь. Первые чувства испытывает подросток-школьник. За любовь борется и погибает герой одной из повестей. И все-таки любовь побеждает даже в самых трагических жизненных ситуациях.

ISBN 978-5-91945-456-4

© Михайлов Ю. Х., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Колесница	6
Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	12
Глава четвертая	16
Глава пятая	20
Глава шестая	25
Глава седьмая	30
Глава восьмая	37
Глава девятая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Юрий Михайлов

Колесница (сборник)

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Колесница

Глава первая

1

Мне и надо-то было – остановиться, чуть-чуть отдохнуть, прийти в себя. Я только что выкарабкался из очередной переделки: Кара-Мура, Чутня-Мутня, Сивка Бурка, вещая каурка...

Эта местность называлась, между нами, Чутня.

Мы ехали в аул небольшой колонной в сопровождении БТРа – ну то есть не мирной колонной, как это делали всегда, а в сопровождении военной техники. Да плюс взвод охраны Пал Палыча Борода, генерала армии, назначенного ответственным за восстановление мирной жизни в этом крае. А что оставалось делать? Место поганое, больше пяти километров дорога петляет по лесу.

Выехали мы из райцентра затемно, чтобы успеть к утреннему мероприятию – первому школьному звонку в новой, только что отстроенной школе. Старую школу испоганили боевики, заняв ее сначала под госпиталь, а потом превратив в укрепрайон. Пришлось выколачивать их оттуда гаубицами. Так и сровняли старенькую, глинобитную школу с землей.

Компания собралась большая: Пал Палыч, я – его советник и секретарь комиссии по налаживанию мирной жизни в Чутне; его новый заместитель Виктор Гусев, полковник, приехал, как шутили у нас, за генеральскими погонами; районное руководство в количестве почти десяти человек; местный министр образования пожаловал и его пресс-секретарь. Девушку звали Фатима, и она была настолько красива, что я долго не мог оторвать от нее глаз. Заметил, что и другие мужчины, знакомясь с ней, стояли с открытыми ртами.

Гусева мы знали плоховато, он с месяц как прилетел с Пал Палычем. Мужик молодой, боевой, только что сорокалетие отметил. Все шуточки-прибауточки, анекдоты любит травить. С виду веселый и компанейский зам. Не помню сейчас, кто обмолвился, что он – внук бывшего члена Политбюро.

Дорогу до склона горы прошли быстро и хорошо. Вот сейчас лес промчимся, поднатужимся немножко в гору – и аул уже будет виден. БТР первым вышел на лесную дорогу. За ним – полвзвода охраны, а вторая половина замыкала колонну. Мы в середине, Пал Палыч и Гусев, затем местное начальство на двух уазиках, а потом – я с Фатимой и министром по школам.

Пал Палыч еще в райцентре пересел в нашу новую «ниву», ему надо было по выступлению министра кое о чем переговорить. Гусев пригласил Фатиму в бронированную машину. Та долго отнекивалась, говорила, что не претендует на руководящее кресло.

Я тихо порадовался за девушку: слава богу, подумал, хоть ее жизнь более-менее в безопасности будет. Боевики знали, что на бронированной машине, как правило, ездят высокие гости, сам генерал Борода, иногда его заместители. Вычислить ее в колонне не представляло никакого труда. Но они также прекрасно знали, что наскоком эту машину не возьмешь.

Взрыв показался мне слабеньким, несерьезным, хотя нашу модернизированную «ниву» попросту выбросило из колеи. Мы стояли, почти развернувшись назад, готовые в любую минуту сползти в метровый кювет: машина балансировала на краю дороги. Второй взрыв подбросил нас над землей, и «нива» в каком-то раздумье, не сразу, свалилась в кювет. Легли набок, прижавшись к зеленой траве боковыми дверями. Я потерял очки, почувствовал, как заныла

¹ Все совпадения с ФИО, местами работы и жительства, с должностями и эпизодами биографий героев повести являются случайными.

ключица. Стал извиняться перед водителем за то, что нечаянно двинул ему ногой в челюсть, поскольку он при развороте машины завалился на меня, сидящего справа.

Пал Палыч чертыхался, пытаясь выбраться из машины. Куда-то подевался министр по школам. Бедолага, наверное, успел не только выкарабкаться из верхней, не заклиненной дверцы машины, но и в кювет залечь.

– Андрей, жив? Руки-ноги целы? – спросил Пал Палыч. – Как водитель?

Мы оба отозвались, что живы, все остальное ерунда.

– Давайте попробуем выбраться, – сказал генерал, кряхтя и стараясь подтянуться на крепких стойках машины. – Эта закладка не нам предназначалась. Нас бог миловал. Кто же пострадал?

Выбирались мы долго, несколько минут показались мне вечностью. Поскольку я был под водителем, то выкарабкался последним, сел на дверные стойки машины и стал смотреть вперед, куда бежали охранники с хвоста колонны. Но они вдруг опомнились, встали как вкопанные, затем развернулись и начали поливать лес за кюветом огнем из автоматов. А работник местной администрации кричал, обращаясь ко мне:

– Уходите с машины, прыгайте на землю! Они в лесу, стреляют!..

Прыгнул, присел на корточки, потом, согнувшись в три погибели, пошел вперед. Вижу, что впереди меня маячит Пал Палыч. Догнал генерала.

– Что? – спрашиваю.

– Моя машина. Чувствую, они раскусили ее слабость. Они первым взрывом подбросили ее, уложили набок, а потом шарахнули на полную мощь... Видимо, противотанковую мину или мощные артснаряды заложили.

– Ну и что? Она, вон, лежит, почти целехонькая! – я это буквально прокричал, не желая верить, что мои догадки подтвердились.

– Они из нее вакуумную бомбу сделали, – сказал генерал. – Внутри там месиво...

Мы подбежали к машине одновременно: солдаты с БТРа вместе с охраной встали полукругом, не подпустили меня и других из колонны к машине. Генерал подошел вплотную к открытой двери, постоял меньше минуты, отвернулся и буквально заковылял к кювету. Его не рвало, он задыхался без воздуха. Один из помощников протянул ему спрей-бутылочку, генерал направил ее в рот, нажал два раза на крышку, задышал глубже. Потом он сел на траву, руки отставил далеко назад, чтобы развернутой грудью было легче дышать. Я присел рядом.

– Не ходи туда, – сказал Пал Палыч. – Там поотрывало все: руки, ноги, все ломано-переломано... Бедная девочка! И Витька... генерал хренов...

Таких изуверских взрывов я больше не видел, хотя слышал рассказы очевидцев, что боевики раскалывали как орехи эти военные чудовища. К счастью, никто из министров-силовиков ни разу не пострадал. Их попросту не было в тот момент в машинах.

– Надо все менять, – сказал я, – стратегию, тактику... Надо всю идеологию менять.

– Что, прикажешь сейчас в аул врываться и народ выводить на площадь?

– Я про идеологию говорю. А у тебя охраны перебор. Не выйдет у тебя ни хрена ни с доверием, ни с поддержкой. Так и будут днем называться местными помощниками, а ночью – боевиками.

Обиделся Борода, даже отвернулся от меня. Но у него не было другого ньюсмейкера, которого он знал бы так же, как меня, и с которым объездил бы пол-Чутни. Он сказал после длинной паузы:

– Вот ты и подумай, что надо менять! Что мы в идеологии не так делаем? Да мало ли чего...

К этому разговору мы вернулись уже по возвращении в столицу, после траура, слез, захоронений. У Фатимы был маленький сын, у водителя – четверо, у Гусева – двое детей. Вот так вот за раз семерых сирот приобрели.

– Пал Палыч, – сказал я, когда мы остались с ним вдвоем, – надо делать ставку на лидера. Надо человека найти: авторитет, известность, ну и все такое прочее. Я тут с бывшим проректором Чутнинского университета встречался, хорошим историком, и мы долго говорили о столетней войне в их местности. Он прямо сказал: приблизил император местного лидера – успокоил народ на долгие десятилетия. На курорт сюда, конечно, не ездили из столицы, но тишину в крае приобрели...

– Да понял я тебя! – бросил в сердцах Борода. – Я об этом тоже думал. Скоро покажу тебе человека. Правда, есть заковыка: он в прошлом – боевик, в бандформированиях был главным по религиозной части.

– Ничего себе... Хотя, мне кажется, это даже хорошо. Больше доверия будет.

...С ним я работал над его выступлением с трибуны Совета Европы. Просил его:

– Ты не волнуйся, Ахмад! Это не проблема. Все, что мы сочинили с тобой, ты будешь читать по бумажке. Но, чтобы не растеряться, давай выучим речь наизусть. Или хотя бы близко к тексту...

Выучил он текст легко. Текста он не боялся, боялся вопросов, которые обязательно должны были последовать. Совет Европы интересовало одно: не очередную ли марионетку подсунула Москва в лидеры беспокойной местности. Он чувствовал это, как говорится, кожей, не хотел позора. Гордый был.

Я тоже не хотел позора, поэтому сказал, шутя:

– Бойся вопросов от женщин!

– Ты шутишь, Андрей, а я – отдувайся!

– В Совете много энергичных женщин. А впрочем, давай поменяемся! Только языка вашего я никогда не выучу, стар уже. А ты прекрасно говоришь по-русски.

Он вернулся из Совета Европы с триумфом. При встрече в VIP-зале Шереметьевского аэропорта я сказал ему:

– Знаю, что тебе поверили даже женщины. А я – восхищаюсь тобой, Ахмад! Но говорю это без Пал Палыча, чтобы не обидеть аксакала. Он тебе об этом сам скажет, вернувшись от журналистов.

Скоро новый лидер Чутни встал на ноги, создал свое правительство, всяческие структуры, и мало-помалу надобность в моем товарище, большом генерале Пал Палыче Бороде, отпала. В тот же день и час отпала надобность и во мне.

Прошу у начальства небольшой отпуск и возвращение в действительные государственные советники. Посмеялись надо мной, предложили отпуск бессрочный, поскольку и судьба Пал Палыча увязла в кабинетах высшего руководства: то ли оставляют его первым вице-премьером, полномочным представителем президента страны, то ли освобождают с отставкой, с уходом на заслуженный отдых, как молодого пенсионера и как старого генерала. Толком сказать долго никто не мог.

– Ты прости, я знаю, что у тебя все плохо, – извинился Пал Палыч. – Я позвонил товарищу, он сейчас Комитет государственного контроля при Парламенте возглавляет. У него, правда, комплект по твоему профилю. Но обещал, что без работы не оставит. Да вдобавок он тебя помнит по командировкам в Чутню. Вот такой ты у меня известный! А за меня не переживай: я давил и буду давить этих гнид на чистом теле государства.

– Шею сломают, по-настоящему. Они это умеют и могут, ты в этом убедился, если до сих пор не знаешь, за что тебя «освободили». Они, чтобы сохранить свой бизнес, действуют без пощады. Ты был им нужен ровно столько, сколько времени возглавлял Чутню.

Глава вторая

Глаза у него были влажные, светло-карие, излучали такое искреннее сочувствие, что я даже нехорошо подумал о приятеле, который назвал его директором дома инвалидов в «Двенадцати стульях». Мы зашли с ним в обеденный перерыв в ресторан-кабак-харчевню, где при входе нам сразу налили по рюмке горилки, на закуску предложили по куску хлеба с салом. Десять лет назад этот молодой человек обучался у меня азам пиаровской и рекламной работы. В Госконтроле он заведовал коммуникациями. Старое и прошлое он постарался забыть, а обо мне сегодняшнем ему, видимо, передали как-то вяло, не командным голосом.

Он много ел, с удовольствием пил горилку, но, закусывая очередную рюмку, постоянно говорил, как плохо живет бедному чиновнику.

Пришлось в открытую договариваться о «подарке» в у. е. Финал встречи: на мои плечи ложилась забота о связях со средствами массовой информации.

– А ты говорил, что все забито, – сказал я.

– Формально – да. Сейчас придется перестановки делать. Но я рад, что заполучил вас.

– Это не ты меня заполучил. Это Пал Палыч всунул меня к твоему начальнику.

Испуг, растерянность в глазах:

– Не знал, что так высоко шел разговор! Во всяком случае, мне о вашем возможном приходе сказал всего лишь замуководителя аппарата...

– Ладно, проехали. Жду бумагу. Позвони, когда надо приступать к работе.

То, что я нажил врага с первой минуты своей работы в новой конторе, ежу понятно. Страх, который я поселил в своем начальнике, он никогда не изживет в себе. А потом, эти чертовы у. е.! Я даже растерялся: за должность надо платить, пусть даже тупым подарком! В наше время так не поступали, это был большой профессиональный грех. Могли порекомендовать, назвать фамилию, дать характеристику. Но если эта информация исходила от коллег по работе, то о каких «подарках» могла идти речь? Было просто неприлично так поступать. Но что делать – другие времена, другие нравы...

Комната гигантских размеров поделена шкафами на две неравные части. Столы сотрудников стоят справа – под окнами, слева – у стены. У одних светло, у других полумрак, свет горит постоянно, даже в самые солнечные дни. Два отдела, абсолютно автономных, связанных лишь единым начальником выше. У меня – работа со СМИ, пять сотрудников без меня и зама. Старый начальник только что вышел на пенсию. Мы с ним попрощались на площадке у выхода.

Вернулся я на темную сторону обжитого параллелепипеда, прошел к рабочему месту, включил компьютер и только успел поднять голову от стола, как увидел женщину, присаживающуюся на гостевой стул. Высокая, худая, проще сказать, тощая, в сером платье с оборочками у горла, в теплых серых чулках и коричневых туфлях. Почему-то от нее совсем не пахло духами.

– Ваш заместитель, – подает мне руку, длинную, узкую и совсем холодную. – Зовут меня Нинель Иосифовна, по мужу Першина.

– Вы здоровы? – искренне спрашиваю я. – У вас совсем ледяная рука.

– Видимо, малокровие. А так я здорова, – женщина смущена, расстроена, взволнована.

– А почему «по мужу»?

– Я не стала после развода менять фамилию на свою.

– А что, Костик – ваш муж?

– Вы его знаете! Он так и предполагал, что вы и есть мой новый начальник. Просил вам кланяться. Я с ним вчера разговаривала.

– Спасибо. Правда, мы не виделись лет десять.

– Семь, почти восемь.

– У вас есть личные дела сотрудников? – спросил я.

– Конечно! Но лучше бы было, Андрей Юрьевич, собрать нас всех вместе. Сегодня, прямо сейчас. Простите, что сую свой нос...

– Нет, дайте мне объективки, чтобы в кадры не лезть. Я посмотрю, а после обеда соберемся.

– Как прикажете.

Она встала, склонив туловище, как штангенциркуль, пополам, отряхнула складки на платье, повернулась, словно солдат, через левое плечо и пошла в конец кабинета. «Наверное, с умыслом сидит в конце кабинета: начальник впереди, заместитель сзади, – подумал я. – Чтобы всех видеть, за всеми был пригляд».

Или, может быть, я ошибаюсь?

Сосчитал столы. Их было одиннадцать – простеньких, похожих на учебные столы в личном профтехучилище. К каждому столу была приставлена тумба с тремя выдвижными ящиками плюс небольшой удлиненный сейф с ФИО хозяина. Вот и весь скарб чиновника, если не считать шкафы для верхней одежды, стеллажи и книжные шкафы, которые в счет не брались. Это все-таки вещи общего пользования. Выходило, что вот за эту принадлежность к кучке вещей люди шли в чиновники? А как же сотни статей о закрытом обществе, клановости, о деньгах и зарплатах, о принципах, порядках, традициях и тому подобном? Для меня за десятилетие нахождения в этой среде стало ясно одно: человек идет туда как раз не из-за больших денег – их там, попросту говоря, нет. Его, определившегося со своей дальнейшей судьбой, влекут не деньги. Он получает доступ к административному ресурсу, проще говоря, к власти.

Я ни дня не работал в Госконтроле, но точно знаю, что его сотрудник может «достать» любую организацию, через которую в течение года проходил по отчетам хотя бы один рубль из федерального бюджета. Он может устроить головомойку любому начальнику на другом конце провода. О командировках, проверках и составлении отчетов по их итогам я уже не говорю. Проверяющий – король, он упивался, если хотел, своей безграничной властью. Ибо все мы грешны, хотя бы чуть-чуть, самую малость, тем более находясь при таких больших деньгах, какие урвали молодые стервятники первой волны капитализма.

Через несколько месяцев, реже лет, эйфория проходила и чиновник понимал, что надо создавать свой запасной аэродром или подушку безопасности. Он стал мудр, опытен, у него появились связи и возможности. Он может, как руководитель бригады, проверяющей, к примеру, крупную во всех отношениях топливную компанию, не отразить в отчете для парламента всего одну-две цифры. Нет, не так грубо: он их может расположить в другом порядке, не выпячивая, просто затушевав слегка. И картина совсем другая. В знак благодарности от компаний – откаты, доходящие порой до миллионов долларов.

С солнечной стороны стояло всего пять столов, некоторые были с приставками для общения и проведения совещаний. В углу разместился большущий телевизор с кассетником.

– Кто начальник отдела? – спросил я.

Над первым по счету от входной двери столом поднимается круглое лицо с растрепанными волосами:

– Я. Зовут Павлом, фамилия Сакс.

– Кем командуете?

– Редакционно-издательским отделом, три человека плюс я. Недобор – ставка одного консультанта.

– Давайте, Павел, попьем чаю!

Мы расположились рядом с его столом, на приставном столике. Его сотрудница, красивая грузинка средних лет, заварила чай, поставила нарезанный лимон, печенье и сахар. Все чинно, аккуратно, чисто. Павел стал достаточно подробно рассказывать о подготовке и выпуске ежемесячного информационного бюллетеня объемом от четырех до шести печатных листов

минимум. Я очень корректно закруглил его рассказ, сказав, что ежедневно готовил к печати стенограмму заседаний первого и последующих съездов народных депутатов СССР, многих сессий Верховного Совета, ежемесячно выходили сборники законодательных актов Президиума Верховного Совета СССР...

– А теперь, Павел, я ваш коллега и сосед. Давно с вакансией?

– С полгода, наверное. Начальник управления, видимо, держит ее на всякий случай.

– Если попрошу, отдадите ее мне?

– Не вопрос.

– Хорошо, даже отлично! Думаю, что мы еще сможем на нашей базе развернуть пресс-службу для полноценной пиаровской работы.

Попили чаю, сосед умолк, думая о чем-то своем. Я сначала не хотел просить о телевизоре, но неожиданно для себя задал вопрос в лоб:

– Не правильнее ли будет, если телевизор с приставкой будут иметь сотрудники отдела по работе со СМИ? Я надеюсь, что в ближайшие дни достану такой же агрегат.

– Сам не решаю, говорите с руководством.

– А оно, руководство, почему не здесь расположено?

– У него кабинет в главном корпусе, с приемной и референтом.

– Я видел, когда заходил к нему. Но ведь это же неправильно, если не глупо, – сидеть вдалеке от своих сотрудников! И заместитель его там же расположился?

Мой сосед промолчал, лишь махнул рукой в сторону коридора. Видимо, не привык вести такие разговоры. А я уже думал о том, как бы мне пересадить свою шестерку на солнечную сторону, набрать еще трех-четырех сотрудников и забабахать настоящую пресс-службу Госконтроля. А Сакса вместе с ребятами или перевести поближе к начальству, или отгородить на нашей территории в очень милый закуток, прорубив им свою дверь на вход-выход. Мы тогда могли бы принимать журналистов, устраивать для них брифинги, чаепития, снабжать их необходимыми рекламными материалами, не отходя от кассы, как говорят.

Но я понял, что с Пашей Саксом кашу не сваришь. Придется «качать» руководителя, убеждать в его же выгоде, возможности создания на базе управления департамента и тому подобном. Я поблагодарил Сакса за чай, раскланялся с миловидной грузинкой, пошел к себе.

У стола стояла Нинель Иосифовна, в руках держала папку с кадровыми объективками на сотрудников отдела.

Глава третья

– Вам краткие дополнения, характеристики на сотрудников потребуются? Я готова, только очки другие принесу, минуточку...

– Спасибо, Нинель Иосифовна, я пока посмотрю молча, без комментариев.

Она шла, прямо держа спину, будто прилежная ученица репетировала этюд на фортепиано. Я открыл папку. В ней лежала еще одна, прозрачная, застегнутая на две кнопки.

«Опять хорошо характеризует ее: аккуратность, ответственность. В этих папочках – судьбы людские, она это понимает», – думал я, перебирая листочки, исписанные разными почерками, с нечеткой ксерокопией, страшненькими фотографиями.

Вот мужчина попался, первый после двух женщин. Посмотрим его! Так, Щеголев Сергей Иванович, год рождения... Окончил институт военных переводчиков, служба в рядах ВС... Я перелистнул страничку и сразу посмотрел воинское звание. Так я и думал: капитан запаса. Похоже, в Чутне был, а может, еще где. Сам уволился, а, может, по ранению... Я вернулся на титульную страничку. С ксерофото на меня смотрел с грустной улыбкой молодой мужчина в старомодном галстуке конца восьмидесятых годов. Странно: фото новое, а галстук старый. Впрочем, он же военный человек, всю жизнь, наверное, был в командировке, бессрочной...

Я оторвал взгляд от фото и так четко представил своего случайного попутчика по стоящему на приколе в Чутне железнодорожному составу-гостинице, что мне стало как-то не по себе. Вот же чертовщина! Уже который раз думаю об этих мальчишках-воинах, которым вряд ли скажешь, что они должны отдать жизнь за Родину... Я снова посмотрел на фото капитана Щеголева, с которым мне предстояло работать. Они даже чем-то похожи. Взрослой и грустной улыбкой, что ли...

Развороченными были все приличные высокие жилые дома и промзоны, стоящие по обеим сторонам дороги, ведущей в аэропорт. Аэропорт же так и оставался всего лишь долго-строєм: ни одной воронки на взлетной полосе, ни выбоины на бетонной коробке и подсобных строениях. Пал Палыч незаметно, но все же нервничал. Он вызвал в самое пекло всех членов Комиссии по восстановлению Чутни. Они, правда, разместились в большом городе – на железнодорожной станции, куда подогнали несколько составов, сделали из них тупиковую зону с частичным забором в наиболее опасных местах, по периметру которого круглосуточно дежурили вооруженные до зубов спецназовцы. Свои кухня, вагон-столовая, приличный запас продуктов питания. Правда, туалет пришлось построить вблизи жилых вагонов, и он тоже входил в зону охраняемого комплекса.

Именно здесь я плотно перезнакомился с теми, кто по рангу входил в комиссию по восстановлению народнохозяйственного комплекса региона и с кем мне приходилось работать как секретарю этого необычного формирования. В столице было проще: формы отчетов отработаны, общий сбор объявлялся заранее, референтов и помощников в Совмине РФ, чтобы обзвонить и собрать народ, было много. Здесь же – один Пал Палыч, его непререкаемый генеральский авторитет да небольшая группа штабных работников, которая фактически и налаживала, и координировала, и контролировала восстановление мирной жизни в Чутне.

Общий сбор членов комиссии планировали на вторую половину дня, когда они должны были вернуться с объектов, разбросанных по всему региону. Команда от аппарата президента РФ поступила утром: Пал Палыча ждут в Сочи на доклад к высшему руководству. Видимо, скучновато проходил отпуск у руководства, можно послушать рассказ генерала. Никто из окружения Пал Палыча (и я в том числе), ни один из членов комиссии не то чтобы не позвонил в аппарат президента, своим министрам даже не доложили, что им придется задержаться, что их заседание сорвал секретариат президента, который формирует рабочий график главы государ-

ства. А ведь это были, как правило, первые заместители министров, руководители федеральных комитетов и служб!

Тогда-то и назначил Пал Палыч сбор членов комиссии в аэропорту, чтобы потом сразу вылететь в Сочи. Что началось! Мотаться с охраной по объектам министерские не боялись. А тут сразу масса вопросов: как будем добираться-возвращаться из аэропорта, как с питанием-размещением, отлетом в столицу на доклады своим министрам? Они привыкли ездить поездом до заветного тупичка или летать эмчезовскими самолетами на военную базу соседней республики. И вдруг – вводная, да еще со столькими неизвестными!

Мне Пал Палыч сказал по-военному:

– Не лезь. У них возможности решать вопросы намного большие, чем у тебя. Ты, надо признать, пока их символический куратор. Меня они боятся, потому что я первый вице-премьер и старый генерал. Короче, после совещания пусть с комендантом региона сами выкручиваются. Я им отдаю свой самолет, есть желание – пусть летят в Москву. Кто не закончил сбор информации, организацию работы на объектах – вертолетом в жэ-дэ тупик и пахать, пахать и пахать...

В зале на втором этаже не доведенного до эксплуатации аэропорта собралось более ста человек. Это не только с учетом членов правительственной комиссии, но и местных руководителей, как из столицы Чутни, так и практически из всех районов, а также небольшой группы журналистов (три камеры с центральных каналов ТВ, четыре представителя информагентств, прикипевших к Пал Палычу). Все прошло, в принципе, нормально. Уже садясь в вертолет на Сочи, Пал Палыч отвел меня от огромной толпы в сторонку на расстояние десяти-пятнадцати метров и целых пять минут слушал мои впечатления от проведенного совещания.

– Это нужно тебе? – спросил я его напрямик.

– Нужно, свежие впечатления полезны. Это во-первых. А во-вторых, десятки начальников всех уровней сейчас следят за нами. Я тебя отозвал в сторонку. Я только с тобой о чем-то говорю – строго секретно. Да еще перед встречей с президентом. Цени, голова садовая! Лети в столицу, только позаботься о журналистах, – сказал Пал Палыч, встал на ступеньки вертолетной лестницы, повернулся, помахал всем рукой и улетел.

Отправкой самолета занимались штабисты генерала, расквартированные в его резиденции. Я буквально засунул на его борт семь журналистов, с криком, шумом, руганью: мест оказалось маловато. А сам с несколькими членами комиссии полетел вертолетом в жэ-дэ тупик. Мое двухместное купе в поезде оказалось пустым: руководитель Росимущества улетел в столицу. Когда уже готовился ко сну, в дверь поскребли. Открыл защелку, увидел полковника ФСБ Кузьмина.

– Андрей Юрьевич, простите ради бога! Можно к вам, в порядке исключения, только на одну ночь нашего товарища разместить? Он на нелегальном положении. Больше пока ничего не могу сказать. Но ни в штабе, ни в гостинице, ни в частном секторе тем более ему светиться нельзя.

– Ничего я не понял, но можно, раз нужно. Вы ели? – спросил я гостя.

– Не до жиру. Спасибо, что хоть поспит в приличных условиях! – сказал за него Кузьмин.

– Это неправильно. Вы располагайтесь, а я схожу кое-куда... Да не волнуйтесь, его никто не увидит. Я еду принесу сам.

Вернулся я через пять минут. Кузьмин встал, готовый, видимо, грудью закрывать гостя от посторонних глаз. Принес я два куска мяса, сок и хлеба.

– Все, товарищ полковник. Свободны, – сказал я Кузьмину.

Он явно с неохотой вышел из купе. Гость достал из-под столика рюкзак, зеленый, армейский, стал развязывать на нем широкие тесемки.

«Вот время бежит!» – сидел я на своей полке-кровати и вспоминал, какие тесемки были на моем армейском рюкзаке около тридцати лет назад. Явно уже тесемочки просто... А что, он так и будет человек без имени, никто?

– Вас как зовут-то?

– Сергей, можно Сережа.

– Ну, Сергей так Сергей. Мои имя-отчество вы знаете. Садитесь, кушайте, а я буду потихоньку ложиться. Завтра поговорим, если захотите.

– Завтра я на поезд – и на материк.

– Ага, значит, мы здесь находимся на острове?

– Да нет, просто есть такое выражение...

– А вы действительно в горах были?

– Андрей Юрьевич, без «вы», пожалуйста, а? Я совсем не привык. Когда Кузьмин сказал, что меня можно спрятать только у советника генерала Бороды, я чуть не умер от страха!

Я молчал, смотрел на парня тридцати лет от роду, не больше, коротко стриженного, одетого в костюм средней изношенности, с армейским рюкзаком в руках. Что за легенда, мальчик, у тебя? Что за эклектика, смешение, так сказать, стилей?

– Вообще-то я в звании капитана, работаю в ГРУ, почти пять лет назад переброшен сюда из Афганистана. Ну, в общем, по нашим каналам. А сейчас должен добраться до Москвы.

– Что, кончились мытарства, командировка ваша? – спросил я.

– Вроде того. Но вот еще надо добраться очень своеобразно...

– Ладно, Сережа, ешьте, я не буду вам мешать.

– У меня есть небольшая канистра нефilterованного коньяка. Досталась по наследству от ребят, бравших коньячный завод. Может, не откажетесь, рюмочку попробуете?

– Интересно, а Кузьмин-то знает?

– Знает, знает. Это тоже часть легенды.

– Так вот почему он так не хотел от нас уходить! – от души засмеялся я.

Мой смех Сергей принял за одобрение предложения, быстро развязал рюкзак и достал оттуда ярко-желтую пластмассовую канистру емкостью примерно полтора-два литра.

– Вы знаете, у меня полрюкзака сухого пайка: консервы, колбаса сырокопченая, хлебцы... Много чего есть, даже чай в пакетиках. Будете?

– Ну, достань сырокопченной немножко. Если печень не расшалится...

– С коньяком все пролетит, как со свистом!

– Ну-ну, ветеран-войка! И про печень все знаем, и коньяком спаивать решил...

– Ну что вы, Андрей Юрьевич! Это так, в основном по рассказам. У мусульман строго, не пьют. У меня были периоды – по несколько лет ни грамма спиртного во рту не было.

«Так, – думал я, – мальчику надо поговорить, может, выговориться. Сделай ему такую милость, посиди с ним, послушай его! Если, конечно, захочет разговаривать».

Своеобразным ножом с кнопкой автоматического выброса лезвия Сергей отрезал несколько кусочков колбасы, порезал принесенное мною мясо, хлеб. Стаканы я достал из шкафчика, который заменял мне походную аптечку, а заодно и парфюмерный несессер.

– Чтобы не выходить из купе, давай-ка коньячком чуть сполоснем стаканы. Они чистые. Мы умываемся на улице, там такая посуда не нужна.

Сергей налил по чуть-чуть в оба стакана, покрутил густую коричневую жидкость, а затем вылил ее в подставленную мною большую банку.

– Банку, понял, для чего держим? С крышкой, плотно прилегающей, но легко открывающейся? – спросил я. Он пожал плечами, наивными глазами смотрел на меня. – Чтобы ночью не бегать в туалет на улицу.

Он искренне засмеялся: ему, видимо, и в голову не приходила мысль, что люди ночью могут ходить в туалет. Его молодой здоровый организм ночью спит. Потом посмотрел на канистру, кивнул головой и быстро налил по полстакана коньяку.

– Ну, ты размахался, брат! – сказал я. – Так мы с тобой и до песен дойдем!

– Андрей Юрьевич, это не тост. Позвольте я выскажу одно наблюдение. Разрешите?

Я кивнул, подпер щеку рукой, приготовился слушать.

– Это коротко. Мы – военные, дали присягу. Умереть за Родину – наш долг, наша работа. А вы? Вы же сугубо гражданский человек! Простите, уже немолодой, правда, прошу прощения... Вы-то почему здесь? Карьера? Вроде нет. Кузьмин говорил, что вы в ранге генерал-лейтенанта, а то и генерал-полковника будете. Деньги? У вас зарплата здесь обычная, читал в Интернете: гражданская плюс командировочные. Тогда что вас заставляет идти на такой риск?

Я молчал.

«Что сказать тебе? – думал я. – Я даже сыну, которому тоже двадцать пять, не смог бы ответить на этот вопрос. Как можно все говорить о том, что есть чувство долга перед Родиной, государством? Что я не давал присяги офицера, как ты, но я так воспитан своими родителями, школой, пионерией-комсомолом, что солдатом в окопах я вступил в партию? А рядом с нами шла известная тебе по книгам война на Ближнем Востоке. И если бы прозвучал приказ, то я бы пошел и еще как стал бы воевать...»

Пауза затягивалась. Я посмотрел в серые внимательные глаза Сергея, понял, что он меня освободил от объяснений. Сказал:

– Давай-ка лучше выпьем за счастливый конец твоей командировки! Я не знаю, чем ты занимался, но если ты выдержал там пять лет, ты просто молодец.

– Дважды: сначала – три, а потом уже пять лет.

– Ты – молодчина! За тебя.

Я пригубил необычайно терпкий и ароматный на вкус коньяк, сделал несколько глотков и сразу почувствовал, как он проникает в мой мозг, как потек по мышцам, грея душу. Именно душу. Сергей выщедил полстакана коньяка маленькими глоточками, промокнул губы платком, кусочек колбасы аккуратно положил на язык.

– Не смею больше предлагать, – сказал он после того как тщательно прожевал колбасу. – Уже поздно. Спасибо вам, Андрей Юрьевич, за все! Я знаю, что настоящих людей много, даже сейчас, после того что произошло в нашей стране. Хочется верить, что мы не зря делаем свою работу. Что хоть кто-то не считает нас набитыми дураками и полными идиотами.

– Без веры нельзя, капитан, пропадешь. Это я по себе знаю. После девяносто первого года понял. Когда жил как без воздуха. Когда умирал, и никто не мог меня спасти. Потому что нет таких врачей-лечителей, которые бы лечили душу. Врачеватель здесь один – вера... Верую, и все. Называй эту веру для себя как хочешь.

Уснул Сергей быстро. А я до рассвета читал книгу, шелестел страницами под маленьким подслеповатым ночником.

И вот опять капитан запаса Сергей, с которым мне предстоит сколько-то времени поработать. «Начнем знакомство с него», – подумал я и громко сказал:

– А Щеголева Сергея Ивановича можно увидеть?

Глава четвертая

К моему столу подошел смуглый темноволосый мужчина чуть выше среднего роста. На первый взгляд, ему было лет сорок. Я встал, протянул ему руку для знакомства. Он крепко пожал почему-то мои пальцы: наверное, промахнулся, не сумел поймать всю ладонь.

– Вы ветеран отдела, работаете дольше всех из сотрудников?

– Да, так получилось. После комиссования со службы мне предложили несколько мест для работы. Сюда брали, конечно, специалиста по пиар-работе. Я мало что в этом понимал. Но у меня было преимущество: арабский и английский языки. Видимо, поэтому меня и взяли. А сейчас я уже и факультет Академии госслужбы закончил, и институт повышения квалификации при Международной Академии медиаресурсов.

– Заметку бы написали о жизни нашей доблестной конторы?

– Запросто. Уже несколько интервью подготовил, опубликованы в самых престижных изданиях. Правда, со старым начальником Госконтроля.

– А какая разница? Старые, новые начальники... Суть ведь не в фамилии, хотя и это, конечно, важно – на имидж работаем. Суть в подаче материала: удалось ли глубоко вспахать, вытащить проблемы, или отделались проходной компиляцией. Ведь так?

– Да, вы правы. Я позже принесу вырезки, покажу вам. Посмотрите, оцените. Мне показалось, что получилось неплохо. И старый начальник отдела был доволен. А он профессиональный журналист.

– Хорошо. Какие проблемы, вопросы есть? Чтобы мне ориентироваться для встречи и разговора с нашим непосредственным руководителем. По итогам, так сказать, собеседований.

– Да он все знает, только решить не может. У меня проблема с жильем. Жена в Подмоскowie, я здесь комнату снимаю. На большее средств нет.

– А сертификат? Военные обязаны...

– В наше время, когда это со мной случилось, никто никому ничего не обещал. База наша – в дальнем Подмоскowie, вот там пока и держат мою семью на птичьих правах. А я здесь, выбрал госслужбу. Говорили, что с жильем могут помочь.

– Если не секрет...

– Нет, уже не секрет. Капитан, немного служил в Афганистане, потом закрытая часть службы. Был также на Кавказе несколько раз – спецзадания. Ранен тяжело, долго по госпиталям валялся. Потом меня вчистую списали. Пенсия – можете себе представить какая, а я, чтобы не материться, лучше промолчу.

– Но у вас языки...

– Да, но не знакомства. К нуворишам пробовал, но сам не смог, даже собеседование не смог выдержать. Вуз, преподавание – те же копейки. Редактирование на иностранном – вообще тема закрытая, все в руках нескольких фамилий.

– Грустная, брат, картина получается!

– Нет, не грустная. Я тут посчитал зарплату: с премиями, растущими с ростом стажа надбавками жить можно. Вдруг вакансии объявятся, может, подойду под повышение. И жилищная комиссия, которая у нас существует, поставила меня в очередники на улучшение жилья. А вдруг повезет?

– Ну что ж, будем работать, товарищ офицер! Тем более что вы уже стали рассуждать как стопроцентный чиновник.

– А вы в каком звании? Я слышал, что вы у генерала армии Бороды советником служили. Это очень высокий пост, ведь он еще и первым вице-премьером был. Ну и все такое...

– Мирный я человек, рядовой. Но, правда, тремя годами армейской службы обученный.

– Очень хорошо! Наш человек...

– ...в Гаване.

– Все равно наш. Смотрите, что получается, если на военный лад. У министра обороны, когда я еще служил, помощник Улётов был в звании генерал-полковника. Какое же у вас должно быть звание, если вы были советником у военного вице-премьера правительства, которому подчинялся министр обороны?!

– Ну вы и пасьянс разложили! А если до того я был советником у премьер-министра... Какое у меня должно быть воинское звание? Ладно, поживем – увидим, что нам пригодится в этой жизни.

Сергей Иванович встал, повернулся через левое плечо и направился к своему столу. А я сидел и размышлял: «Слава богу, что он филолог! Расписался, знает, как пресс-релиз для журналистов подготовить. Это уже опора, моя поддержка».

Ну, а что остальные из себя представляют?

Вот – Мишина Юлия Владимировна, почти в дочери мне годится. Так, тридцать один год, филолог-педагог, библиотекарь в аппарате правительства... Хорошо – кругозор богатый должен быть. Ой-ой, куда ее понесло: ЦАО, главный специалист жилищного управления! Наверное, с жильем вопрос решала. Научный центр проблемной социологии при правительстве столицы, Академия госслужбы, и вот мы наконец выбились в консультанты в структуре федерального уровня, получили чин советника РФ первого класса. Ну а для пресс-службы что мы сделали?

Я посмотрел на столы сотрудников, которые расположились слева от меня. На одиннадцати столах найти Юлю Мишину было непросто, учитывая, что, кроме Сергея, остальные пять сотрудников – женщины. Заместителя я уже знал хорошо. Ага, вот взгляд на меня, смелый, немного вызывающий. Улыбается девушка. Думаю, что это и есть Юля...

Я кивнул, она легонько ткнула себя в грудь, опустила голову – видимо, посмотрелась в зеркало – и встала. Шла ко мне длинноногая, стройная, с прекрасными развевающимися волосами молодая брюнетка. Лицо у нее было продолговатое, с абсолютно симметрично расположенным по отношению к глазам и рту носом. Губы едва подкрашены.

– Здравствуйте, – сказала она спокойно, без признаков волнения или возбуждения, села на гостевой стул.

– Попробую угадать. Вы – Юлия Владимировна Мишина, так?

– У вас же фото в личном деле?

– А вы посмотрите, на кого вы похожи на этом ксероксе!

– Да, совсем забыла, что здесь техника – прошлый век... Ну, тогда вдвойне приятно за вашу интуицию. Я – Юля. А вы не из разведки?

– ?!

– У нас здесь сколько угодно разведчиков, шпионов... Вы знаете одного из наших руководителей управления? Он шпион, полковник СВР. Журналистом всю жизнь просидел за границей и думал, что о нем не знают в ЦРУ, а те делали вид, что они ничего не знают о нем... Так, что ли, каламбурят?

– Немного не так, но суть не в том. Я-то думал, что вы о себе расскажете. Но если вопрос задан, давайте я отвечу.

– Не надо, я о вас много чего знаю. Вам привет передавал Владимир Викторович Мосеев. Это мой папа, мы вчера виделись. Он сказал, что Ермолов Андрей Юрьевич – стоящий мужик.

– Приехали! Я так и думал, что вас кто-то тихонечко ведет по жизни. Но то, что вы дочка не последнего человека в бывшем аппарате правительства, честно, я не мог предположить. Ну, и что будем делать с вами, Юля?

– Работать, хорошо дружить... Да, мало ли чего! Ваш тип мужчин всегда предпочтительнее видеть в начальниках.

– Я все-таки на работе... Чем занимаетесь в отделе?

– Я не только отделу, всей конторе обеспечиваю связи с журналистами, занимаюсь аккредитацией, обзвоном, пропусками... Ну и так далее.

– Не понял. А что, кто-то еще может заказать журналистов? Есть мероприятия общеконитетские, с участием или без участия руководителя. Здесь музыку заказывает сам руководитель. Я знаю, что пресс-секретаря у него нет. Значит, командиром мы тоже занимаемся на полную катушку? Есть заместитель председателя. Он, конечно, может и сам дать команду на аккредитацию журналистов, тем более в отсутствие руководителя. Но лучше бы приучить его давать такие команды через секретариат председателя...

Мои размышления прервала Юлия:

– Вы человек новый, придется вам хорошенько помогать.

– Спасибо, Юля. Не мешало бы мне въехать в вашу налаженную рабочую колею.

– Смотрите, все просто. У нас двенадцать аудиторов, их утверждает парламент страны. Они люди практически независимые, у них свои секретариаты, департаменты, инспекции. У некоторых по сотне человек работает. Они тоже просят слова, хотят встретиться с журналистами, прокомментировать тот или иной вопрос, вынесенный ими на обсуждение коллегии.

– И всем этим хозяйством занимаетесь вы одна? А в отделе – шесть человек? Да тут на каждого аудитора надо держать по человеку!

– Вы забыли аппарат нашей конторы во главе с руководителем, больше десяти департаментов и самостоятельных управлений. И им тоже хочется рассказать внешнему миру, что они не даром хлеб едят.

Юля просто упивалась своим рассказом, видела мою реакцию, полную искреннего негодования и возмущения. Продолжала:

– Да, а нас шесть человек... Ой, забыла! Наш командир – председатель всевозможных союзов, ассоциаций, гильдий, член десятка наблюдательных и попечительских советов. Как только он куда-то выезжает на очередные заседания, вся журналистская братия, опять же, ложится на хрупкие женские плечи отдела по работе со СМИ...

Журчал ручеек Юлиного рассказа, не без оснований смелого: так бы никогда не позволила себе выражаться, например, Нинель Иосифовна. Юля – без тормозов, она прекрасно знала, что ее отец не подкачает, не зря его звали Макиавелли аппаратных и сановных дел. Он никогда поста высокого не потеряет, в худшем случае отбудет послом в одну из республик СНГ. А нынешний председатель Госконтроля не так давно работал в подчинении Мосеева.

«Поучительный рассказ», – думал я, слушая вполуха Юлю.

Но Вадим Иванович Клемашин, новый председатель Госконтроля, меня всерьез никогда не интересовал. Ни как журналиста, ни как карьерного чиновника. Все нынешние руководители федеральных структур выскочили на волне хаоса и неразберихи девяносто первого года. Неудержимые амбиции толкали их на рискованные поступки – типа вступить в какую-то рахитическую партию или движение, где реально наличествовало полтора-два десятка человек, из них половина с расстройством психики. Или вдруг объявить себя кандидатом в депутаты верховных советов страны или двух-трех союзных республик, не имея на это никаких шансов, даже исчисляемых в один процент. Или, наконец, так верно и преданно служить ближайшему окружению эрэсэфэсэровского руководства в трехдневное противостояние российской и союзной номенклатуры в девяносто первом, что «за особые заслуги по спасению свободы» усесться сразу в министерское кресло.

Клемашин преподавал в военном вузе, был самовыдвиженцем в депутаты, говорить умел довольно складно. Он прорвался в депутаты не сразу, со временем приобретая опыт и связи. Примеров в истории пруд пруди. Он-то хоть был подполковником. А ведь в революции семнадцатого года что творилось? Из матросов – сразу в министры обороны, из рабочих – в председатели Госбанка страны!

У Клемашина было все в порядке с самооценкой: он мог стать (и, самое удивительное, реально был), как Столыпин, и министром внутренних дел, и премьер-министром. Или, как Бенкендорф – шефом тайной полиции (в том числе контрразведки). Или нынешним председателем Госконтроля (абсолютно финансовое учреждение). Всё зависело лишь от ситуации, конъюнктуры и его местонахождения в выстроенной вертикали власти.

Для меня он был умным, по-крестьянски хитроватым, но постоянно мечущимся, пугливым и даже трусоватым человеком. Как говорил вознесший и вскоре бросивший его глава государства: «Кишка у него тонка». Не боец, короче. Когда мы в Чутне переживали позор и поражение, Клемашин устроил демонстративную сцену самосожжения: подал рапорт об отставке, уверенный в том, что его оставят руководителем силовой структуры. Думал, что на переправе коней не меняют.

Поменяли. Стал безработным. Урок сильный, отрезвляющий. Он приходил тогда к моему начальнику, фактически второму человеку в государстве, но в приемной встретил меня, советника. Мы вышли в коридор, говорили в целом о ситуации в аппарате правительства, а также о настроении руководителя. Потом он просил у первого вице-премьера доверить ему хотя бы что-то приличное. Доверили управление в аппарате, так, чуть выше среднего по иерархической лестнице. И он забыл о министерских амбициях, работал как папа Карло, лишь бы остаться на плаву...

С тех пор мы и познакомились, пересекались в коридорах власти. Всегда улыбчив, доброжелателен, всегда готов рассказать злободневный анекдот, вместе посмеяться, выпить кофе в кампании, и не только кофе. Но вот при приеме меня на работу к себе не пригласил, все дела по оформлению поручил одному из заместителей руководителя аппарата, а не кадрам. Боялся, чтобы я рот не открыл случайно?

Я, наверное, поступил бы так же: у него пять-шесть десятков начальников отделов в комитете; можно застрелиться, если встречаться с каждым... И еще. Я понял главное: что здесь я буду в дальней ссылке, что времена Совмина и Пал Палыча прошли и что моя карьера, как и у моего нынешнего высокого руководителя когда-то, получила гигантскую пробоину...

– Аллэ! – нежно сказала Юля. – Андрей Юрьевич, вы где?

Она щелкала пальчиками почти перед моим носом.

– Простите, вспомнилось... Былое и думы.

– Мы всё о своём, о девичьем...

– Юля, ну я все же ваш непосредственный начальник! Давайте хотя бы в первый день нашего знакомства...

– Давайте. Только ведь и Мосеев сказал: зачем Ермолов, то бишь вы, Андрей Юрьевич, полез к Клемашину? Он же свидетель его падения, позора! Ему переждать надо было, может, в газете какое-то время поработать... В чиновничьей карьере надо стараться не терять тот уровень, с которого ты уходишь, тем более не по своей воле. А вы ушли по своей воле?

– Я ушел не по своей воле еще в девяносто первом году.

– Мне поговорить с отцом... – это был не вопрос. Это скорее было предложение подумать вместе.

– Юля, если я кому-то буду нужен, если обо мне захотят вспомнить, то вспомнят. И найдут меня.

– Слишком мучительным для вас будет этот период. Здесь о вас точно никто не вспомнит... Вас на обед взять с собой? Как новичка.

– Пока не знаю, но спасибо за заботу. Если никто не дернет, с удовольствием схожу с вами на обед. Много слышал о вашей шикарной столовой.

Глава пятая

Он был невысокого роста, худощавый, с элегантными усиками под Раджа Капура, в модных затененных очках, прикрывавших глаза. Мой второй начальник, заместитель молодого руководителя, сам пригласил меня на беседу. Причем позвонила какая-то девушка, сказала, чтобы я вышел из большой комнаты, прошел десять шагов по коридору и зашел в приоткрытую дверь прокуренного кабинета. Я все так и сделал, попав в маленький – ровно на один стол, стул для гостя и шкаф для одежды – кабинет. Так мы и познакомились.

Сергей Сергеевич Тужлов, оказывается, очень любил такие неформальные штучки. Он вдруг сразу спросил меня:

– Вы на работу шли со стороны морга или по противоположной стороне? Не обратили внимания на то, сколько поворотов и калиток с проходными дворами на этой улице?

Я, честно говоря, опешил. Помотал, как баран, головой.

– Тринадцать, – улыбаясь в усы, сказал Сергей Сергеевич. – Привычка...

– Да, я понимаю.

– Вы курите?

– Только в компании, под пиво или рюмку.

– Не могу предложить, не те условия.

– Да и до обеда еще не дотянули...

– На нужной тебе встрече время не имеет значения. Рюмка коньяка сближает, придает беседе откровенность.

– О, йес, сэр!

– Вы знаете языки? В объективке этого не отмечено.

– Шутка, – сказал я, давая понять, что треп закончился.

Он закурил тонкую, дорогую, по-моему, сигару-сигарету. Машинально нажал на рычажок железной юлы, которую я видел лет тридцать назад в районных редакциях на столах у курящих редакторов. Двигаясь по кругу, в чрево юлы улетели окурки белых сигарет.

«Так, сигара, значит, для понта, для меня приготовлена», – подумал я.

Что еще заготовил этот интересный человечек? И что ему от меня надо? Подчинения? Будет тебе беспрекословное подчинение, если всю полноту ответственности будешь брать на себя. Еще что? Дружеские отношения? Посмотрим, ты старше меня, прошел серьезную школу спецслужб, спецжизни, спец... Чего там еще от слова «спец»? Я уважаю старших по возрасту. Если они, конечно, не в клинической стадии, и так далее. Ладно, посмотрим, не говори гоп...

– У вас серьезная школа – жизненная, служебная. Вы зачем пришли к нам? На замену? На расширение пиар-возможностей? Наш Биг Босс куда-то засобирался? – он уставился на меня затененными линзами очков, сигару положил на край юлы.

– Можно без комментариев. Меня назначили начальником отдела по работе со СМИ, так? Это подразделение подчиняется вам. Я постараюсь не огорчить вас. Но сразу могу сказать, что отдел надо структурировать, расширить и преобразовать в пресс-службу, поскольку в старом понятии он не сможет нормально функционировать, обеспечивать информационное сопровождение конторы, руководства, да еще, как я уже успел узнать, и аудиторов.

– Андрей Юрьевич, дорогой, со словом «контора» прошу быть поаккуратнее! Вы же знаете, откуда я пришел. Я горжусь тем, что тридцать лет прослужил именно в этой организации. И первый главк ее, и нынешняя СВР заслуживают более уважительного отношения к себе. Я понимаю вас: когда-то вы многое могли, допускали, видимо, эту небрежность... Теперь мы в одной упряжке.

– Я понятливый. Кстати, наш Комитет я тоже в личных беседах называю конторой. И Совмин, где вам не посчастливилось работать, я тоже вне его стен называл конторой. Так что я

закладываю в это понятие очень положительные и смысл, и значение, дорогой Сергей Сергеевич.

– О'кей, – сказал он. – Это недоразумение, мы его преодолели.

Он снова попытался сигарой-сигаретой.

– У нас возникло или нет напряжение?

– Ну что вы!

– Тогда два слова о себе. Больше десяти лет – Штаты. Ни одного прокола. Потом много еще кое-чего. В звании полковника ушел в отставку. Но остаюсь в активе: совет ветеранов внешней разведки, написание книг о ее истории. Это вся жизнь. Сейчас второй отрезок жизни, меньший. И мне его хочется тоже пройти без сучка, как говорят... Я сейчас больше на личных поручениях Клемашина. Так что нам не так часто придется контактировать с вами. Командуйте, вносите предложения, разворачивайте, сворачивайте... Я поддержу, если увижу, если докажете, что это надо.

Опять попытался сигарой, снял очки, достал из стола лайковую тряпочку, стал тщательно протирать стекла. Смотрел на меня чуть-чуть помутневшими от возраста светло-кариими глазами. Не щурился, видимо, привык к дальнзоркости и хождению без очков. «Тогда какого хрена напялил дорогие очки, да еще затененные? – подумал я. – Опять на впечатление работает? Вот позер, артист хренов!»

– Я могу вам иногда, в порядке шефской помощи, кое-что показывать на предмет редакции? Это не по основной работе. Это по книге Биг Босса, я ее должен закончить в этом году. Время сжато до предела...

– Да, если это не будет мешать основной работе. Надеюсь, вечером, после шести часов, мы отдыхаем?

– Всякое бывает, но большие задержки здесь не поощряются. Аппарат должен следовать внутреннему распорядку дня. Правда, у аудиторов может твориться что угодно. Слышал, что нередко и ночами люди работают, особенно перед заседаниями коллегий... Спасибо за понимание.

– Ничего, не стоит. Клемашину мы служим все: и большие, и маленькие. Можно встречную просьбу высказать? Я знаю, что вы тоже недавно в управление пришли. Но, может быть, уже набрали какой-то информации? Что за люди здесь, как с ними себя вести? Профессионализм на каком месте котируется?

– Интересные вопросы. Запомните одну простую вещь: здесь нет случайных людей. В кого вы ни плюнете, обязательно попадете в чье-то протекте. Особенно у нас: почему-то все считают, что, кто не знает финансы, тот знает или быстро познает пиар-работу и рекламу. Вот сразу и несут объективки в наше подразделение: педагоги, военные, информационщики, программисты, юристы и даже медработники. У меня лично скопилось более десятка кадров, не успеваю собеседовать.

– Вот поэтому и держите в отделах столько вакансий? На всякий случай?

– Да, святое дело. А если от имени Клемашина позвонят, дадут команду взять человека? Как, например, вас взяли. Вы думаете, что на ваше место никого не было, что оно ждало только вас?

– По крайней мере, я не перебежал дорогу старому начальнику отдела. Его довели до пенсии, заранее предупредили и по-честному оформили все привилегии пенсионера госслужбы.

– Я вам покажу претендентов на вашу должность, некоторые из них работают, как вы говорите, в нашей конторе. Но на более низких должностях.

– Боже мой, Сергей Сергеевич, но ведь, занимаясь рекламой, ее не только надо знать, но и любить или хотя бы уважать, что ли! Что же я говорю вам, профессионалу-журналисту, такие прописные истины? Или имиджевая реклама, тот же пиар... Ну кто вместо меня, начальника отдела, напишет статью, как вы говорите, Биг Боссу для международного журнала «Бенкер»,

а? Тем более в двухдневный срок. Конечно, ее потом посмотрят помощники, аудиторы... Но ведь статью-то все равно буду писать я. И отвечать перед командиром буду я. Вот такая у нас истина, и другой нет. Другое – это непрофессионально.

– Я очень рад и надеюсь, что у нас с вами не будет разногласий на этот счет. Главное – вы уже отдекларировали, что готовы брать всю полноту ответственности на себя. Это и профессионально, и даже по-мужски. Я буду всячески помогать вам. Хотя бы ради того, чтобы выглядеть в ваших глазах профессионалом.

«Вот и поговорили! – подумал я о начале нашей встречи. – Я думал, что он возьмет всю полноту ответственности на себя. Он с радостью взвалил эту ответственность на меня. Да и... Может, так будет даже лучше».

– Меньше промежуточных инстанций – меньше тумана, – сказал я вслух.

Собеседник сделал вид, что не расслышал моей фразы. Сигара-сигарета давно истлела, Тужлов выглядел усталым. Видимо, достал я его.

«И что это я вдруг разошелся?» – сидел я напротив него и тоже, наверное, имел не самый лучший вид.

Ничего, нормально, с молодым начальником так не поговоришь. А этот хоть понял, чего я хочу и что я прошу у него. Жизнь так сложилась, что сейчас мне придется работать с этим человеком. Он знает Клемашина, во всяком случае, имеет на него выходы. Уже проще организовывать работу с командиром. Доступ к телу в нашем деле – это больше половины успеха.

– Я в столовую. Хотите, провожу вас, пообедаем вместе? У нас очень приличная столовая.

– Да, я уже слышал. С удовольствием. Только приведу стол в порядок.

– Тогда жду вас ровно через семь минут.

– А если раньше? Нельзя? – я заулыбался.

Он понял юмор, ответил:

– Раньше я не успею выбросить пепельницу, помыть руки... Ну и все такое прочее.

Зашел в наш большой кабинет, увидел, как сотрудники собираются, видимо, тоже в столовую. На меня от своего стола смотрела Юля. Она была в светло-кремовом «суперстаром» пыльнике, на голове – легкая косынка. Я пожал плечами, показал кивком головы на стенку, за которой был кабинет Тужлова.

– Все понятно. Девочки, срочно в столовую, иначе попадем в лапы Тужлова! Он изнасилует своими рассказами, обеду будешь не рад, – с этими слова Юля первой направилась к двери. Все остальные потянулись за ней.

– Идемте, – сказал Павел, незаметно подойдя сзади.

– Только надо зайти за Тужловым, он собирался вместе со мной.

– Сто против одного, что он уже на полпути к главному зданию.

– Но он же сказал, что будет ждать!

– Сколько минут?

– Семь...

– Вот он и ждал ровно семь минут.

Я засмеялся, Павел вторил мне более тонко и заливисто. Сказал:

– Ладно, поедим без него. Я приглашаю вас на чашку кофе, не возражаете? В конце соседнего с нами парка есть прекрасное маленькое кафе с тортиками, пирожными, салатами. А главное, кофе делают отличный. Да и по парку пройдемся, подышим зеленью, разомнемся... Хотите?

– Спасибо, Павел. И давай перейдем на «ты».

– Это как получится. Я не очень храбрый на такие поступки. Буду привыкать.

Зелень уже устала от лета и жары. Но стояли еще зелеными липы, шумел листвою старый тополь, покрытый гигантскими серебристыми наслоениями вместо коры. То ли помесь южного тополя, пирамидального, с тополем из среднерусской полосы, то ли юннаты вывели

новый сорт, я не знал. А дерево было громадным, под ним когда-то располагалась танцевальная площадка, обустроенная сейчас по-современному: детская песочница, ближе к забору приютилось небольшое кафе с семью столиками. Павел кивнул пробегающей официантке, та на ходу спросила:

– Как обычно?

– Да, – сказал Павел, – только нас двое.

Сели за столик рядом с детской песочницей, в которой копались трое малышей. Они были настолько малы, что даже не могли еще членораздельно объясняться друг с другом. Мычали, вскрикивали, колошматили друг друга пластмассовыми лопатами, падали, теряя равновесие. По периметру песочницы сидели три мамы, совсем молодые девочки, красиво одетые, держали в руках по чашечке кофе. Они не обращали внимания на своих чад, о чем-то живо беседовали.

– Я люблю этот уголок, – сказал Павел. – Чем-то детство напоминает, своих детей вспоминаешь... Приятно становится. Я не прав?

– Прав.

– Я заказал салат «Цезарь». Он такой большой, что и первое, и второе заменит. По чашке кофе и по кусочку торта «Прага». Сойдет для первого раза?

И без перехода:

– Вам надо продумать систему поведения. Здесь нельзя командовать людьми, нельзя накричать на кого-то, резко отказать в какой-то просьбе человеку из другого подразделения. Здесь все невероятно взаимосвязано. Вот в нашем медпункте, просто шикарном, оборудованном лучше многих спецполиклиник, работает, например, моя жена. И я рад, что она туда попала, не без моего, конечно, участия.

– Да, я уже в курсе. Мне сказали, почему так подолгу держат вакансии. На всякий случай.

– Ха-хи-хи-хи! – тоненько засмеялся Павел. – Вы действительно уже в курсе. Вы одну из любимых фраз Клемашина только что сказали: «Так, на всякий случай...»

– Значит, и ты здесь человек не случайный?

– Да, мы несколько лет работали вместе с нашим начальником управления. В начале девяностых даже пытались создать свой бизнес. К счастью, не получилось. Я не умею, точнее, не создан для бизнеса. А партнер, предельно осторожный человек, не захотел никому доверить дело после моего ухода. Так вот и «спала» структура несколько лет, пока сама по себе не умерла.

Павел помолчал, посмотрел на детей, которых одна из мамаш энергично растащила друг от друга. Иначе бы уже образовалась куча-мала. И без перехода:

– А я вас помню. Вы тогда в Совмине работали и, насколько я знаю, помогли нашему информбюро с арендой помещения на площадях госструктуры за копейки. И начальник вас помнит... Но это другая история. Он вас очень боится, это, прошу, между нами. Он просто потерял покой.

– Понимаешь, его ошибка в том, что он, не имея опыта, не достигнув соответствующего должностного уровня, не понимает, как проходят самые верхние линии связи. А неверная оценка ситуации порождает неправильное поведение.

Я посмотрел на Павла, увидел в его глазах не только непонимание, нежелание меня слушать, но и страх. Я замолчал, сделал вид, что показалась официантка. Она, и точно, вышла из подсобного помещения с подносом, но прошла к другому столику. Тогда я быстро закончил неприятный и непонятный для моего собеседника разговор:

– Конечно, я помогу ему. Обещаю, это никак не отразится на его карьере. У меня другие задачи и планы.

Я знал, что сказал Павлу самое главное и что эта информация сегодня же дойдет до нашего молодого начальника. Ну и хорошо, и слава богу! Без теорий и подходов, прямо и в лоб.

– Я завидую ребятам, которые будут работать с вами. Но я думаю, что вы недолго будете в этом отделе... – Павел умолк на полуслове.

Пришел наш «Цезарь». Официантка ловко расставила огромные тарелки из светлой необожженной глины, флакончики с оливковым маслом, винным уксусом, баночку с красным перцем, разложила ножи и вилки, на плетеную хлебницу положила буквально дымящийся лаваш. В конце выставила перед каждым по стакану питьевой воды. Спросила:

– Кофе со сливками? – и посмотрела на меня.

«Значит, Павел пьет кофе без сливок, – подумал я. – Поддержу товарища».

Сказал:

– Без сливок и крепкий, можно большую чашку.

Официантка убежала, а Павел, отломив себе пол-лаваша, заметил, улыбаясь:

– Наугад действовали или знали про кофе?

– Интуиция помогла.

Поели сытно, кофе был замечательный, торт, к сожалению, суховатым оказался. О работе не говорили больше ни слова. Павел рассказывал о полиграфии: какое это интересное и важное дело. У памятника Великому русскому доктору присели на скамейку и минут пять посидели практически молча, переваривали пищу. Павел чуть не задремал. Я был благодарен ему за умение держать паузы.

Глава шестая

Не успел включить компьютер, как раздался телефонный звонок:

– Андрей Юрьевич, еще раз здравствуйте! Это Келин побеспокоил. Вы успели пообедать? Очень хорошо. Хотел бы вас попросить подойти ко мне. Через полчаса у меня будет встреча с очень важным человеком, он организует работу с нужными СМИ, ну и многое другое.

Я не стал включать компьютер, сел в будто костяное, узкое и страшно неудобное кресло, посмотрел на Нинель Иосифовну. Она тут же встала из-за стола и направилась ко мне.

– Что случилось? Я могу чем-то помочь?

– Останетесь за меня, это во-первых. Во-вторых, я не успел поговорить с остальными сотрудниками. А встречу с начальником уже не перенесешь. Да я и не хочу откладывать кадровый разговор надолго. Скажите, как они, тянут? И сколько у нас вакансий?

– Вакансия одна – ставка консультанта. Хорошая ставка, для человека со стажем это приличные деньги, можно по классному чину вытянуть на госсоветника третьего класса. Но вы знаете, что такими ставками мы, как правило, не распоряжаемся. Это резерв главного командования. Ну а сотрудницы – наши люди, все прошли школу нашего аппарата, грамотные, знают редактуру, корректуру...

– За всеми кто-то стоит?

– Да, за всеми. И они молоды, у них хорошая обучаемость.

– Текст напишут? Заметку в газету, журнал?

– Видите ли, до вашего прихода такой задачи не ставилось. Но если вы дадите им «рыбу», подготовленную вами или любым подразделением нашего комитета, они отредактируют, хоть для заграницы сделают материал. Можно не беспокоиться и не перепроверять.

– И на том спасибо, что не безнадежно. Разложите, пожалуйста, мне в папку все личные дела сотрудников по принципу профессиональной пригодности. А я пока сформулирую вопросы для разговора.

Мы углубились в работу. В блокнот я записывал вопрос за вопросом, которые предполагал задать человеку, якобы могущему организовать тесные контакты с нужными нам СМИ. Кадровый состав отдела сейчас меня интересовал меньше всего. Надо готовить разговор о пресс-службе, ее структуре, штатной численности, персональном составе. И вводить эту структуру надо приказом, так чтобы каждого из старых сотрудников призвать поучаствовать в собеседовании, чтобы они поняли, потянут на новом месте или им лучше перебраться в другое подразделение.

Нинель Иосифовна сидела, молча, положив руки на застегнутую папку, смотрела на меня.

– Все готово? – спросил я, заканчивая с вопросником.

– Илья Михайлович Келин не любит спешить, особенно с кадровыми вопросами. Не спешите, Андрей Юрьевич, и вы. Я бы вообще сегодня не открывала эту папку, на вашем месте. Поговорим обо всем позже.

– Ладно, я, кажется, понял вас, спасибо. Но папку все-таки я возьму с собой, на всякий случай. Пожелайте мне ни пуха!

– Ни пуха, – сказала Нинель Иосифовна и тут же поплевала через левое плечо.

– Кстати, а сколько лет Келину?

– Тридцать четвертый пошел.

– Боже мой...

Концовку моей речи Нинель Иосифовна уже не слышала. Я ее бормотал, двигаясь по коридору. Ступеньки, затем по ходу движения – подобие самого нелепого на этом месте фонтана, потом, кажется, порожек, за который я уже успел запнуться сегодня пару раз, охрана и

улица. Опять ступеньки, но уже на лестнице под мрамор. Что-то будет здесь дождливой осенью или по перволёдку! Ни решеток не выложили, ни рельефа не выбили на мраморе.

По всей улице расположились корпуса мединститута. Старые, обшарпанные, они навели на меня ужас. Кафедра такая-то или такая-то, длиннющие коридоры, окна открыты, в палатах лежат больные. Их не просто лечат, на них учат студентов.

«Веселая жизнь, не дай господи!» – думал я о больных, вместо того чтобы думать о встрече с начальством.

Где-то здесь глазной институт, в который по скорой помощи попал один мой молодой сотрудник: умудрился промыть линзы техническим лосьоном и засунуть их в глаза. Как же ему было плохо, как больно, как он это все выдержал! Зрачки у него были красные, а белки – желто-зеленые. Я не мог на него смотреть, он напоминал мне инопланетянина.

Так, катафалк, люди в черном... Видимо, вот здесь и располагается морг, о котором меня спрашивал разведчик Тужлов. Все до кучи. И какой дурак разместил пиар-подразделение именно в этом месте?! Очень удобное местечко для приема журналистов – чтобы не забывались, не расхолаживались, помнили о брэнности. И всем наплевать, никто не восстал, не прорвался к руководителю, не доказал... А может, он и не знает, может, и доказывать-то ничего не надо было... Оппа, остановка! Кажется, подходит троллейбус. Хоть одну остановку да проеду, сэкономлю время.

Илья Михайлович сидел на представительском этаже, если так можно выразиться, только с другой стороны от входа в приемную председателя Комитета. Там тоже была дверь, видимо, ею могли воспользоваться начальники подразделений, чьи кабинеты не имели прямого выхода на приемную руководителя.

Просторная комната, два стола, красивая девушка за одним из них – брюнетка, похожая на диктора первого канала ТВ. В стене – дверь, закрыта, за ней – кабинет нашего начальника.

– Вас как зовут? – спросил я первым сотрудницу приемной.

– А вы – новый...

– Новый, новый. Приглашен на совещание.

– Посидите, вас пригласят. А звать меня Лена. У нас нет приемной, это такой же кабинет сотрудников управления, как и везде. А за дверью работает наш начальник, Илья Михайлович.

Дверь открылась, наполовину показалось тело моего старого знакомого по ресторану с горилкой. Он высунул голову, кивнул мне и скрылся в глубине кабинета. Я встал и пошел за ним.

– Знакомьтесь! Наш новый начальник пиар-отдела Андрей Юрьевич. А это, – Келин показал рукой на единственного гостя, развалившегося на полдивана, – хозяин самого известного агентства в стране – Михаил Константинович Школьник.

Он не то чтобы постарел, он как будто выцвел и поизносился за эти десять лет, что мы с ним не встречались. Одет по моде – в джинсах, мятых, с бахромой, пиджак от Валентино, но такой жеваный, что на него смотреть было неприятно. Но одежда – не главное. Главное, он сильно располнел, стал шире в полтора раза. Глаза ему будто искусственно раскрыли и зафиксировали в этом неудобном для него положении. Темные мешки под глазами, – видимо, есть проблемы с почками. Таким предстал передо мной Миша Школьник, тихой сапой уведший в последний год перестройки информационную ленту с Гостелерадио. Он с парой журналистов стал «наяривать» информацию по всем телефонным факсам контор, кооперативов, офисов нуворишей... Поначалу эта мазня шла бесплатно, но, надо отдать должное, совершенствовалась, потом помощники-секретари приемных стали ее подкладывать в папки к начальству. А через год некоторые начальники сами стали просить информацию. А им говорят:

– Подписка. За информацию теперь надо платить.

И платили, подписывались. В столице тогда, навскидку, несколько тысяч заметных контор держали офисы, более половины – представительства провинциальных компаний. Ничего не скажешь, на хорошую жилу напал Миша!

Был он и у меня в Совмине в самом начале своей лихой карьеры. Просил помочь с помещением, с деньжатами. В общем, не знаю почему, но помощь я ему организовал: получил он и ведро нефти, и ведро угля. И вот сейчас он – один из богатейших людей медиасообщества, как его представляют в кулуарах, владеет коммуникационными каналами, говорят, что участвует на самом верху в выработке информационной политики. Ну, и деньги зарабатывает. Вот, наверное, поэтому и здесь, в Комитете, очутился.

– Мы знакомы? – спросил он меня. – Где-то я видел ваше лицо... Хотя, столько тусовок, встреч, столько знакомств мимолетных... Вот только что с Вадиком обедали. Невозможно поесть спокойно!

– Вы с Вадимом Ивановичем ездили на обед? Он обычно здесь принимает, в его зале... – замялся Келин.

– Я ему сделал предложение, от которого он не смог отказаться. Ха-ха-хё-х! – засмеялся Школьник, колышась всем телом. – Мы были у моего друга в галерее, у художника Церетели. Полтора часа хохм, воспоминаний, смеха... А вино! Настоящее грузинское. Мы обо всем договорились, он не стал отпускать меня, сказал, чтобы я сразу заехал к тебе, Илья, и порешал все вопросы. Так что большого собрания не стоило сейчас собирать. Все мы обговорили, обо всем договорились, дорогой... как вас?

– Андрей Юрьевич, – торопливо подсказал Келин. – Но мне был звонок от Вадима Ивановича, он предупредил о разговоре с вами, Михаил Константинович, и дал команду на встречу позвать Ермолова, то бишь Андрея Юрьевича.

– О чем речь, команды шефа надо исполнять, – сказал я и сразу сел в приставное кресло. – Миша торопит события, ему некогда старые годы шевелить. Но сейчас не конец перестройки, не Кравченко на Гостелерадио, да и мы, как и десять лет назад, не частная лавочка.

– Да-да, что-то припоминаю... Но и я, слава богу, и в администрации поработал, и в двух государственных выборных компаниях поучаствовал. Меня в медиамире знают. Меня Блумберг запросто принимает! А с Вадимом Ивановичем мы просто старые друзья... Вы же знаете, Андрей Юрьевич, как это у нас бывает?

– Знаю, Михаил Константинович. Только давайте послушаем для начала Илью, потом я выскажу свои соображения. А потом вас послушаем, ваши предложения. Вадим Иванович вот с этого молодого человека спросит, – показал я головой на Келина, – если что. А он запросто спросит с меня. Это так, на всякий случай, наша страховка. О ней мы не должны забывать. Кстати, если вопрос с нашим руководителем принципиально решен, а вам уже некогда, присылайте своего заместителя, встретимся и все обсудим.

– Вот теперь я действительно вспомнил вас! Вы бы позвонили, что ли, зашли бы, обговорили ситуацию... Ну не начальником же отдела, дорогой Андрей Юрьевич! Ваше положение, да и возраст... Господи, что иногда жизнь делает с людьми?! А идея с замом синхронно пришла нам в голову. Я в офис сейчас, отдохну после обеда немного. А тебе, Илья, позвонит мой зам, Воскресенский, ты его должен знать. Вот обо всем и договоритесь.

– Хорошо, – постарался опередить меня Келин. – Только вы напрасно так, Михаил Константинович! Вадим Иванович просил Андрея Юрьевича принять участие...

– Он, в отличие от некоторых, помнит, что... – начал я, теряя контроль.

– Все-все, друзья мои! Чао-чао! Пока-пока! – заторопился Школьник, перебивая меня. – Всё с заместителями. Руководители, в принципе, договорились. Теперь очередь помощников. Он уже выходил из кабинета, когда я сказал:

– Блумберг начинал не в стоптанных ботинках. Не забывай об этом!

Келин пошел его провожать, слов моих не понял, успел сказать:

– Подождите меня минутку.

Заглянула «дикторша с первого канала ТВ»:

– Вам кофе сделать? Крепкий?

– Да, с коньяком, – пошутил я. Получилось пошло. – Спасибо, Лена.

– Круто вы его поставили на место! Какой он жутко неприятный человек!

Не дождавшись от меня ответа, Лена удалилась. Я встал, подошел к окну, стал смотреть на внутренний двор: десятки окон, яркая подсветка кабинетов и кабинетиков, люди копошатся, разговаривают друг с другом, как в немо кино.

«Ладно, плюнь, не заводись, не бери в голову! Ты сам помогал, тебе команду никто не давал. Сейчас – что, завидуешь? Да ты бы мог десяток таких агентств, газет, журналов создать! Что не создавал? Государев человек хренов...»

Нет, я бы не выдержал. Ни холуйского поведения на первых порах, когда Школьник и ему подобные ходили по приемным высоких чиновников и вымаливали крохи, ни нынешнего их положения с миллионами долларов, когда они опять холуи перед высокопоставленными и хамы с подчиненными. Вот кто истинное быдло, а не народ, обманутый ими! Это все от психологии нуворишей, отсутствия культуры, образованности: быдло даже с миллионами остаётся им...

– Ваш кофе, – девушка поставила чашку с блюдцем на приставной столик у дивана, помогла мне вернуться в привычную рабочую обстановку. – Вы так серьезны, что просто страшно! А вы знаете, что я числюсь в вашем отделе?

– А вы созданы для нашего отдела-то? Уж больно вы красивая, такие журналистки чаще всего становятся дикторами на ТВ, ведут какие-то программы...

– Спасибо, но я, во-первых, не журналистка, а выпускница иняза. Во-вторых, действительно спасибо вам за комплимент. Как приятно общаться со зрелым человеком: все-то он видит, все замечает, понимает!

– Возвращайтесь к нам на высылки, будем вместе работать. Хватит кофе подавать. Я не хочу вас обидеть, хочу разбудить в вас филолога-профессионала.

– Я не обиделась, вы правы. Только с начальником старого отдела невозможно было работать.

– Вы подумайте, – сказал я и отпил глоток крепчайшего, сваренного в машине напитка. – Боже, какая прелесть! Это вы сами, без буфета?

– Вы сходите в наш буфет, почувствуете разницу. Можно я к вам, как вы сказали, на высылки буду приходить?

– Вы моя сотрудница?

– Ваша.

– Искренне ваш, Шурик. Помните у Улицкой?

– Помню.

– Как бы всю жизнь не проплыть по поверхности, а, Ленок?

– Только Келину пока не говорите – обидится.

– Мы ему подберем другую – такую девочку, которая подходит для этой роли во всех отношениях. И, думаю, совсем не обязательно ей знать два языка...

– Лена, никого не пускайте ко мне! – это в кабинет стремительно вошел Келин. – Андрей Юрьевич, ну вы даете! Это же Школьник! Он же может позвонить Вадиму Ивановичу, обольет вас грязью... Что тогда будем делать?

– Ни-че-го. Он не позвонит – его лимит на сегодня и ближайшие дни уже исчерпан. Видели, как он ретировался, все перевел на зама? Так чтождемся звонка Воскресенского или кого там он обяжет, будем спокойно работать. А это были понты, и вы знаете об этом лучше меня, поскольку я не общаюсь с этой категорией людей уже долгие годы.

– Господи, как вы правы! По дороге я встретил своего товарища, помощника Вадима Ивановича. Вы знаете, что он сказал? – Келин смотрел на меня расширенными зрачками. В глазах были и страх, и озорство. – Он сказал, что они обедали в комнате приемов Вадима Ивановича!

– Еще одно подтверждение о понтах. Он прекрасно знает, что вам и в голову бы не пришла мысль уточнить, где на самом деле они обедали. А тут я вас спровоцировал задать этот вопрос.

– И правильно сделали. Я специально уточнил у помощника, где был Школьник. Своих партнеров надо знать.

– Вы бы спросили, и я бы вам рассказал его биографию с девяностых годов до наших дней.

– Не знал. А что – на будущее – можно я буду вас спрашивать?

– Милости прошу, дорогой Илья Михайлович!

– Премного вам благодарен, дорогой Андрей Юрьевич... Что Школьник нес про вас! За пять минут – водопад дерьма. Только что вы – не сталинист и не левая рука председателя КПРФ.

– Надо всегда быть осторожнее с людьми, если ты когда-то оказал им помощь.

– Это и мне уже знакомо. Здраваться иной раз забывают. А ведь к Вадиму Ивановичу попали только благодаря мне... Порешали все свои вопросы и чихать на тебя хотели!

«И не поделились с тобой, не сработала система отката», – съехидничал я про себя, думая о том, как надо вести себя с этим молодым человеком.

Это хорошо, мой мальчик, что жизнь чему-то и тебя учит. Я приближу тебя, научу брать ответственность на себя, помогу с карьерным ростом. Ты будешь ставить перед высоким начальством большие проблемы. Тебе понравится решать большие вопросы. Но первое – мы попробуем срочно создать хорошую пресс-службу. И ее возглавлю я. Хотя на первых порах она будет входить в твою сферу влияния. А там будем посмотреть.

– Лена, а мне кофе? – голос обижен, палец сильно давит на кнопку внутренней связи телефона.

В это самое время открывается дверь и Лена входит с подносом, на котором две чашки, горкой лежит печенье и большая плитка горького шоколада. Я смотрю на нее с недоумением.

– Вам помягче, побольше и со сливками, – говорит Лена только мне. – А вам, Илья Михайлович, как всегда, крепчайший.

Глава седьмая

Три стола накрыли на территории издателей. У них свободного пространства больше, можно усесться всему коллективу управления. Я отдал деньги, все остальное сделали Нинель Иосифовна и женская половина отдела. Красиво, вкусно, даже о консервах «Шпроты» не забыли. А так на столе и икра, и рыба дорогая, и овощи, и соленья, и фрукты, и даже два торта к чаю запасли. Так принято: надо познакомиться с новым сотрудником, тем более что он, хоть и небольшой, но начальник.

Женщины принарядились, похорошели. Юлия Владимировна просто роскошной женщиной предстала – так оделась, что (мне тихонько рассказали) ей моя заместительница выговор учинила: мол, ты ставишь в неудобное положение тех, у кого нет такой возможности шиковать. Сама Нинель Иосифовна была в красивом, но рабочем платье, к столу она вышла в накинутой на плечи прекрасного меха горжетке: белый песец выглядел буквально живым, даже коготочки были слегка розовыми.

Предпоследней около шести часов вечера пришла Елена и сразу объявила, что начальник просил начинать без него. Он подойдет чуть позже, как только освободится от совещания у руководителя аппарата Комитета. Лена брала своей молодостью, окинула всех смелым взглядом, на Юлии споткнулась, но, видимо, вспомнив, что она моложе её на целых пять лет, успокоилась и пригласила соперницу покурить.

– Ты же знаешь, зараза молодая, что я бросила курить! И все равно меня провоцируешь! Вот полюбуйте, Андрей Юрьевич, что молодежь творит! А она, между прочим, ваша сотрудница, за пиар-отделом числится...

– Так, девочки, прекращайте! – вполне серьезно сказала Нинель Иосифовна. – Что подумает о нас наш непосредственный начальник? Хватит ходить, ждать. Времени – без пяти минут шесть. Думаю, можно рассаживаться. Андрей Юрьевич, у вас замечательный галстук... Проходите к Павлу Александровичу в голову стола. Третий стул там оставим для Ильи Михайловича.

Все стали рассаживаться за составленными буквой «Г» столами. По-другому площадь кабинета не позволяла разместить больше десяти человек. Получилось, что мы с Павлом Саксом оказались в президиуме, только как бы удаленными от всех в правую сторону. Я сказал Павлу, что мне лучше с девчатами сесть, прямо в середину стола. Тот закивал головой, приготовился пересест на мое место, поближе к народу.

– Нинель Иосифовна, а не позволите ли вы мне пересест к женщинам, прямо в середину стола?

– То есть вы хотите поменяться со мной местами? – Нинель Иосифовна прямо-таки смутилась, даже слегка покраснела. Румянец ей шел, угловатые черты лица сгладились, она заметно помолодела. – Но это же место начальства!

– И вы начальник. Кто будет спорить?

– Правильно, ее в президиум! – зашумели женщины.

– Вот и я не буду как в малинике, – сказал Сергей Иванович Щеголев, который оказался прямо напротив меня по другую сторону стола. На нем сегодня был костюм стального цвета и темно-серая рубашка с голубоватым галстуком. Ярковато немного, но красиво и празднично он выглядел.

Когда все расселись по своим местам, Павел встал и сказал:

– Налейте, пожалуйста, себе кто что любит. Есть вино на любой вкус.

Он выждал паузу и продолжил:

– Мы сегодня принимаем в свою, если можно так выразиться, семью нового для нас человека. Но не для журналистского корпуса, не для наших чиновников. Потому что Андрей Юрьевич – известный во многих кругах человек. Я его статью о шабашниках в «Комсомолке» читал,

еще будучи студентом. Блестящий материал, говорю без подхалимажа. И детектив, и экономика, и демография, и трудовая занятость – все проблемы в одной публикации. Не оторваться! Репарка: надо бы о сборнике подумать – да-да, собственном, Андрей Юрьевич! Для нас вы – та планка, которую нам теперь предстоит преодолевать, в профессиональном смысле. Но это и замечательно: что ж на середнячка-то равняться? Я выражу, наверное, общее мнение, если скажу: милости просим! Мы рады пополнению. Как-то спокойнее начинаешь себя чувствовать, когда появляются такие люди.

Павел пригубил фужер с грузинским домашним вином, которое принесла его сотрудница Тамара, та самая приветливая грузинка, угостившая нас чаем. Все стали чокаться со мной, у всех были фужеры с домашним вином. Кроме Юлии: она протянула ко мне коньячную рюмку, хитровато улыбалась, проговорила:

– Поддержу союз мужчин, а то Сергей Иванович и вы неуютно себя чувствуете в бабском коллективе.

– А мне так хотелось попробовать домашнего грузинского вина! – сказал я.

– Это мы еще успеем в конце мероприятия. Как говорится, отполируем употребленное...

– Юля, Юля, я все вижу и слышу! – сказала, не глядя на нее, Нинель Иосифовна. Она смотрела на меня, глаза выражали извинение за непутевую сотрудницу. – Девочки, давайте помнить, по какому поводу мы здесь...

– А что, повод не позволяет познакомиться поближе со зрелым и интересным мужчиной? – Юля продолжала эпатировать публику.

Все засмеялись, смотрели на меня, ждали реакции.

– Спасибо, Юлия Владимировна, за комплимент. «Зрелый» давайте поправим на... «несколько перезрелый». А за «интересного» спасибо, постараюсь оправдать ваши ожидания.

«Господи прости, что я буровлю здесь? – подумал я. – Они все годятся мне в дочери и сыновья! Пятьдесят лет скоро, дураку, стукнет, пять-де-сят!»

Мне вдруг стало так невыносимо грустно и тоскливо, так захотелось, чтобы меня кто-то пожалел, приласкал... Чтобы скрыть свое состояние, я налил кроме стоящего возле меня фужера с вином еще и рюмку водки. Чокнулся персонально с Юлей и залпом выпил «смирновской», упакованной в красивую бутылку с ручкой. Ел долго, с аппетитом, пряча в свою пластмассовую тарелку и грусть, и тоску, и смутивший вдруг меня комплимент, сказанный молодой и красивой женщиной.

«Так недолго и пропасть», – я снова приобрел функцию думать.

Водка разлилась теплом по всему телу, немного затуманила мозг, разгладила черты лица. Захотелось улыбаться, нравиться женщинам, говорить что-то новое, умное. Но я не был там, и не мог эту обязанность отнять у Павла. Здесь тамаду не назначали и не выбирали, им становился старший по должности.

Интересно, как выкрутится в этой ситуации Павел? Он же меня не знает. Как будет делать подводки под тосты?

– Вы все знаете Нинель Иосифовну: ветеран, почти с основания нашего подразделения работает... – Павел говорил, уже сидя за столом, не вставая. Голос у него был тихим, доверительным.

Все замолчали, перестали шептаться, закусывать, жевать. Слушали продолжение.

– ...и все время заместителем, то есть, простите, рабочей лошадью. Но ей повезло, что начальники у нее не менялись как перчатки. Надо отдать должное: ушедший на пенсию начальник был профессионал. Просто он был плохой администратор и организатор. Одно слово – журналист... Но хороший!

Все заулыбались, кто-то засмеялся, вспоминая ушедшее время и прошедшие мероприятия. Павел утихомирил стол и продолжил:

– Вам предстоит сегодня работать, дорогая Нинель Иосифовна, не только с хорошим журналистом, но и крупным администратором. Работу пресс-центров международных мероприятий с участием президента и премьер-министра страны, которую организовывал Андрей Юрьевич, я видел всего один раз, в Хаммеровском центре. Это был уровень, я вам скажу! Конечно, у нас этого ничего не надо делать, просто смешно даже о таком уровне мечтать. Но, опять же, планка есть и на нее надо равняться. Вот в такой обстановке вам предстоит не только работать, но и произносить тосты, дорогая Нинель Иосифовна. Вам слово!

Она смутилась, хотя знала, что именно ей, как присутствующему здесь начальнику, придется говорить речь. Наверное, она даже подготовила какую-то болванку на этот случай. Но она также понимала, что банальностью уже не отделаешься. Даже Павел сегодня был в ударе: ему нравилось вместо Ильи вести стол, говорить с людьми неформально и в то же время не нарушая традиции чиновничьего застолья.

Щеки ее опять зарумянились, глаза загорелись, и, помедлив, она встала, сняла горжетку и аккуратно положила на спинку стула. Заговорила несколько сипловатым голосом:

– Спасибо, Павел Александрович, за теплые слова, сказанные в мой адрес. Я понимаю, что я-то здесь ни при чем. Что сегодня мы просто все становимся лучше в лучах такого человека, как Андрей Юрьевич. Как вы сюда попали, простите? Что вы тут забыли?

Присутствующие сжались. Кто-то наклонил голову к тарелке, кто-то полез за водой, чтобы промочить горло.

– Но так, видимо, предначертано судьбой, чтобы вы, Андрей Юрьевич, какое-то время поработали с нами, помогли нам почувствовать себя выше, значительнее, авторитетнее... Видите, сколько надежд мы возлагаем на вас?

Она перевела дух и продолжила:

– Хотя мы неплохо работаем! На последнем мероприятии Юле удалось более полусотни журналистов аккредитовать: пять телевизионных камер российских, две – иностранные, четыре – региональные, десятки газет рассказали о нас, все информационные агентства два дня цитировали нашего руководителя. Но главная наша ценность – это наш коллектив. Он уважает себя, он понимает, где работает, с кем, на каком острие находится. Это патриоты не только Комитета, но и нашего подразделения. И мы все рады встрече с вами. За вас, за ваше здоровье, за вашу семью, за ваше творческое и человеческое долголетие!

Нинель Иосифовна красиво, не спеша, пила рубинового цвета вино. Фужер поставила на стол, поклонилась в мою сторону, давая понять, как она уважает и этот коллектив, и нового человека, пришедшего к ним на работу. Сотрудники не удержались, раздались хлопки, потом – аплодисменты. Люди присоединились к словам и женщины и руководителя, сумевшей так сжато и емко выразить их мысли и чувства. Павел подал реплику:

– Я так понимаю, что застолье можно заканчивать. Вот вы всегда так, мудрая Нинель Иосифовна! В следующий раз я буду давать вам слово последней или предпоследней, перед заключительным словом виновника торжества.

Снова все заулыбались – по-доброму, искренне, так показалось мне. Я с удовольствием выпил полный фужер Тамариного вина, посмотрел в ее сторону, поднял большой палец, кивнул в знак благодарности. Тамара тоже заулыбалась и тоже легким кивком головы ответила мне. «Боже, какая красивая женщина! Я только сейчас сумел разглядеть ее, – думал я, все еще чувствуя смущение от тоста своего заместителя. – Если так пойдет дело, то я обречен хорошо работать здесь. Но-но, не спеши! А то надерешься».

Все ели, от холодных закусок перешли к цыплятам табака, правда, тоже холодноватым, но от этого не менее вкусным. Тем более что и время ужина подобралось к биологическим часам почти всех чиновников, живущих от девяти до шести с перерывом на обед. Время было – домашнего ужина. Вино стали пить без тостов, под хорошую закуску, для того чтобы запить мясо или овощи с фруктами. Две трехлитровые бутылки с вином быстро опустели. Я посмотрел

в сторону Нинель Иосифовны. Она моментально перехватила мой взгляд, поняла, что меня обеспокоило, кивнула, заулыбалась. Поднятая ладонь говорила, что все в порядке – запас есть не только на столах.

Входная дверь открылась, осторожно вошел Сергей Сергеевич. Сразу сказал:

– Я на минуту! Сейчас заедет машина, с Биг Боссом уезжаю на презентацию книги одного очень большого автора. Знаю, что вы, Андрей Юрьевич, проставляетесь. Выпить пока не могу, но хочу засвидетельствовать вам свое почтение и полное к вам уважение. Обращаю внимание всех: его очень хорошо знает наш Биг Босс...

– Сергей Сергеевич, дорогой, сядь поешь! Еще есть пара минут до твоей машины, – это Юлия подвинула к себе свободный стул и буквально усадила Тужлова за стол. – А так как ты все равно едешь на фуршет, то никакого греха не будет, если ты осчастливишься фужером замечательного вина нашей царицы Тамары. Из ее собственных подвалов...

Она налила в чистый фужер остатки вина из последней домашней бутылки, передала Тужлову со словами:

– Если с начальником будешь так бегать от нас, то, неровен час, вообще останешься не только без вина, но и без коллектива.

– Критику принимаю и признаю....

– Еще бы!

– ...но и вы должны понять...

– Сергей Сергеевич, только без понтов о своей занятости и тэ дэ. Времени – скоро семь часов. К семье пора, к внучке.

– Ничего не скажешь, – признался в своем поражении Тужлов. – Люблю таких смелых и справедливых... Тогда буквально два слова.

Он встал в стойку оратора, заговорил каким-то лекторским голосом:

– Друзья, я сегодня поплотнее познакомился с новым сотрудником нашего подразделения. Он достоин того, чтобы работать у нас. Со всей нашей спецификой, невзирая на то, что он – сугубо гражданский человек среди бывших и действующих военных, которые заполнили Комитет. Что делать – берешь того, с кем работал или служил. С ним мы не служили, но он – наш! Потому что мы все сейчас в новом положении, в великом классе чиновников. А здесь Андрей – можно в компании вас, а лучше тебя, так называть? – профессионал. Легкого тебе вхождения в коллектив, дорогой, любви и признания коллег, поскольку у нас в управлении восемьдесят процентов сотрудников – женщины. За тебя!

– Сергей Сергеевич, слов нет! Особенно про любовь! Можно с этого места поподробнее? – Юлия смеялась, причем делала это совершенно искренне. Рот у нее был прекрасен, зубы – настолько ослепительно белые, что даже казалось невероятным, как можно достичь такой белизны.

Я невольно сглотнул слюну, и этот жест она заметила, поняла мое состояние, увидела, наверное, восхищение в глазах, наклонилась и только для меня сказала:

– Пойдемте втихаря покурим! Но выходим по одному.

И, встав из-за стола, пошла, успев что-то шепнуть соседке Тамаре.

Я почувствовал дискомфорт, мысли полезли нехорошие о том, что все на виду, что выйди я сейчас – и все поймут, что зарождается интрижка.

«Может, с Тужловым выйти под видом его проводов, уточнения какой-то непонятной позиции?» – подумал я.

Но разведчик, похоже, пока не собирался заканчивать застолье: он налил себе коньяку, положил на хлеб несколько шпротин и два кусочка лимона. Выпил медленно, красиво, заел виноградом и уже только потом стал с аппетитом поедать рыбный сэндвич.

Из-за стола поднялась Тамара, вынула из сумочки сигареты и стала пробираться к выходу.

«Ох, какая умница Юлька! И здесь все предусмотрела! – я невольно заулыбался, восхищенный ею. – Я могу попросить у Тамары сигарету, выйти вместе с ней... Но насколько это опасно лично для меня? Справлюсь ли я с этой молодой, избалованной, богатой и своенравной кобылицей? А, будь что будет, в конце концов! Я иду с Тамарой, и Юлии с нами нет...»

В коридор мы вышли вместе с красивой грузинкой. Она тряхнула густыми смоляными волосами, улыбнулась, протянула мне пачку сигарет, сказала с легким акцентом:

– Не можете бросить курить?

– Что вы, Тамара, я курю только в компаниях. Потом – все: ни похмелий, ни сигарет не должно быть.

– И никогда...

– Никогда! До обеда следующего дня – никогда! Железное правило, еще с журналистской работы принято. Иначе подведешь людей, о которых собираешься писать. Знаете, сколько случаев я могу рассказать, когда застолье оборачивалось скандалом на страницах газеты?

– Да, я представляю. Сама работала в газете, но маленькой, городской.

– Значит, мы коллеги? А если...

– Андрей Юрьевич, будьте любезны, достаньте мне сигарету! Может, вы все-таки дойдете до курительной комнаты? – это уже капризный голос Юлии. Она стояла у открытой двери в тупичке коридора.

Тамара протянула мне пачку сигарет и зажигалку, кивнула в сторону двери, где, видимо, располагался и туалет, и курилка. Сказала, не глядя на меня:

– Надо подождать Сергея Сергеевича, согласовать с ним один вопрос, конфиденциальный. Вы идите, я вас догоню. Здесь строго: в коридоре, на лестницах курить категорически запрещено. Так что только в курилке.

Я пошел, чувствуя, как ноги становятся слегка ватными. «Ну что ты запсиховал? – лихо-радочно забило в моей голове. – Ведь ничего же еще не происходит... Ты знаешь ее пять минут. Ну познакомишься поближе, об отце поговорите... Все, пока, трус! Должен родиться мачо! И курилка уже рядом».

Открыл дверь, зашел в приличный вестибюль на пять-шесть человек: две раковины с зеркалами и модной сантехникой, две круглые хромированные металлические урны, приспособленные для сбора окурков, еще две внутренние двери, ведущие, видимо, непосредственно в туалет.

Юля смотрела в зеркало, стояла спиной ко мне. Не оборачиваясь:

– Вас посылать только за смертью!

– Я, честно говоря, никаких команд не получал.

– Мы же договорились, что выйдем покурить!

– Да, помню. Виноват – перехватили люди, популярность вскружила голову...

– Андрей! Не дурачься... Я очень хочу познакомиться с тобой поближе.

– Юля, ты и я... Отец и дочь...

– Ты о чем? У меня все нормально, дорогой. У меня прекрасный муж банкир. Козел, конечно, тупой... Но есть прекрасный сын, скоро пойдет в школу. Я о другом, – она оттолкнулась от зеркала, развернулась и сделала несколько шагов ко мне.

Гигантские каблуки на туфлях делали ее немного выше меня. Платье каскадом спадало с плеч к коленям, закручиваясь по спирали вокруг ее тела. Что за фасон, непонятно, но красивый. Она так сильно пахла женщиной, что у меня закружилась голова. Мне ничего не оставалось, как протянуть руки и обнять ее. Она нервно облизала мои губы, будто ей не терпелось почувствовать их влажность, языком прошла сквозь зубы и стала буквально всасывать мой язык себе в рот. Господи, какое счастье, что у меня никогда не было особых проблем с зубами!

Я, кажется, терял сознание: так давно не чувствовал такой страсти, такой силы, такой податливости всего женского тела. Проходили минута, вторая – мы не могли оторваться друг

от друга. Я руками нащупал ее груди, большие, твердые, не зажатые лифчиком или корсетом. «Боже, прости меня, я не виноват! – взмолился я про себя. – Я не хотел, но это испытание – выше моих сил...»

Так, спустимся ниже... Так и знал: она без трусиков! Мысли скакали, как взбесившиеся рысаки. Что делать? Остановиться? Глупо, сил не хватит на такую подлость по отношению и к ней, и к себе. Но сюда в любую минуту могут войти...

Она буквально оторвала свои губы от моих, глубоко и прерывисто дыша, сказала:

– Тамара... Она... знает, что у нас личный разговор. Мне тоже не хочется здесь... И мы это сделаем в шикарной постели, позже. А сейчас... Нет! Я не могу остановиться! – и она открыла одну из дверей туалета. – Господь простит нас. Мы ни в чем не виноваты, это природа. Мы даже не можем изменить своим родным...

Я, по-моему, сделал это, как в лучшие свои годы, не молодые, а именно в зрелые, когда уже точно знал, как ублажить женщину. Юлия, по моим ощущениям, просто умерла, стала тихой, нежной и женственной. Куда делась та необузданная капризная кобылица? Она выпроводила меня из туалета, сказав на прощание, что я – второй мужчина, который создан для нее.

– А кто первый?

– Как-нибудь расскажу. Это пятидесятилетний ассириец, любовник из далекой молодости, который чуть не зарезал меня.

В коридоре у раскрытой двери в кабинет стояли Тамара и Сергей Сергеевич, о чем-то энергично разговаривали. Я подошел к ним, со словами благодарности вернул пачку сигарет хозяйке, оставив себе одну сигарету, прошел к лестнице, ведущей на улицу. На вахте попросил огонька у милиционера и вышел на воздух. Постоял, сильно затягиваясь дымом, потом спустился по лестнице, прошел к окнам нашего большего кабинета. Они располагались на высоте человеческого роста, и я мог беспрепятственно заглянуть внутрь. Застолье не расстроилось, люди ели, пили, но уже больше разговаривая друг с другом. Меня заметила Нинель Иосифовна, помахала рукой, незаметно показала головой на мой пустующий стул. Я тоже кивнул, показал сигарету, дал понять, что сейчас вернусь.

У выхода столкнулся с Тужловым. Он спросил:

– Черную «Волгу» не видел?

– Стоит какая-то с торца дома.

– Вот придурки! Здесь официальная стоянка, а они все хотят спрятаться. Как партизаны.

И без перехода:

– Спасибо за стол шикарный, от души выпил классного коньячку. Не обижайся, надо ехать. Но мы ведь не последний раз собрались. Скоро мой день рождения, гульнем!

И он побежал к торцу дома. А я не спеша зашел по мраморной лестнице, спустился к нам в коридор и открыл дверь в кабинет. На меня почти никто не обратил внимания. Юля и Тамара сидели на своих местах. Я аккуратно пролез к своему пустующему стулу, налил водки и снова посмотрел на Нинель Иосифовну. Она наклонилась к Павлу, который вдруг сказал громко:

– Что-то молодежь у нас молчит! А ну-ка, Леночка, скажите тост от имени молодого поколения нашего подразделения!

Лена тут же встала, посмотрела на присутствующих, персонально на меня и сказала:

– Не вижу молодого поколения. Я от себя скажу. Андрей Юрьевич, будьте с нами долго, не бросайте нас, полюбите нас! Мы, молодые, очень благодарная публика. Горы свернем за любую ласку. А вы это прекрасно умеете делать. Я это сегодня поняла, когда вы были у нас на этаже. Будьте здоровы и счастливы! Аминь!

Опять хлопки, однако, не перерастающие в аплодисменты. И голос:

– Вот зараза молодая! Все ей мало своих сопляков, – это Юлия вполголоса комментировала тост Елены.

– Юль, слышат ведь! – тихо-тихо сказала Тамара.

– Ну и что? У меня давно равнодушие к зрелым мужчинам. Все это знают. Так, девчата? – и она опять засмеялась, показывая свой прекрасный рот, не слишком яркие розовые губы и белые зубы. Она специально не смотрела на меня, но все поняли, о ком идет речь, заулыбались.

– Поскольку Юля меня совсем не знает, будем думать, что она имеет в виду Сергея Сергеевича Тужлова.

Стол взорвался хохотом.

– Это подло, Андрей Юрьевич, так издеваться над молодой женщиной!

– Юля, я постараюсь завоевать ваше доверие в самое ближайшее время и докажу вам, что кроме Тужлова у вас может появиться еще один воздыхатель.

Присутствующие, принявшие эту пошловатую игру, опять захохотали. А я взглянул на Юлю и с ужасом подумал: «Боже мой, я пропал! Она смотрит на меня влюбленными глазами. Эта чистота ребенка и эта порочность зрелой красивой женщины собраны в ее взгляде. Что будем делать? Умирать? Или жить?..»

Тост свой последний я скомкал. Этого и следовало ожидать. Все, что произошло со мной за эти полтора часа, могло бы уложиться в целую жизнь. «Таких темпов можно и не выдерживать, – подумал я. – Но без паники и бичевания! Пока это просто секс, биологическая данность. Я люблю свою жену, детей, не собираюсь ни перед кем отчитываться за то, что произошло. Даже перед этой женщиной, которая так сильно и, похоже, взаимно меня зацепила. Но я еще не ее пленник...»

На метро шли гурьбой, человек пять-шесть. У пешеходной бровки подземки стояла машина черного цвета с затененными окнами, похожая на лимузины «братков». Юля расцеловалась со всеми, подошла ко мне, протянула руку, сказала:

– Спасибо за подаренное счастье! В машине мой придурок. Он намного моложе тебя, но в подметки тебе не годится. Ничего не бойся. Таких женщин, как я, ты еще не встречал... Пока-пока!

И, открыв дверцу, быстро шмыгнула в лимузин. Муж так и не вышел, не помог жене сесть в машину.

Глава восьмая

Выходя из кабинета, я успел позвонить жене, сказать, что все нормально, все довольны, что выдвигаюсь домой. В вагоне метро было полупусто, время – десятый час, уже глухое для нашей ветки: спальные районы успели поглотить не только рабочих, но и служащих, начинающих и в девять, и даже в десять часов утра трудовую деятельность.

Я уселся на сиденье, думал о жене. Последние годы, связанные с ее болезнями, сблизили нас еще сильнее. Моя «мамочка» вошла в неприятный период возраста женщины, когда жар сменяется холодом, тоска и депрессия – несоизмеряемой кипучей деятельностью и беспричинным весельем. Дети знали об этом, даже младший сын стал жить самостоятельной жизнью с однокурсницей по университету, снимая однокомнатную квартирку за мой счет. Да и я приносившийся, а проще – не обращал внимания на эти приливы-отливы. Делал все так, как мы жили и десять, и двадцать лет назад.

«Кстати, – подумал я, – скоро тридцатилетие со дня свадьбы, тридцать лет супружеской жизни. Только надо встретить юбилей без сюрпризов... Без сюрпризов!» Я прекрасно понимал, что и кого я имел в виду. Но мне не хотелось вспоминать пережитое сегодня, я специально отгонял от себя образ этой женщины. «Что, разве мало красивых женщин? Думай о Тамаре... Просто классика, и мужу никогда не изменит. А Нинель? Сорок – сорок пять, разведена, предана как собака, немного холодновата, угловата, но, смотри, когда ее раскочегаришь, какая красавица становится! И нема как рыба».

Господи, какую чушь я несу! Ведь скоро и мой ю-би-лей... Пятьдесят лет. Вершина горы! Все остальное будет уже с горы... Пока ты на колеснице! Ко-лес-ни-це! И на все это осталось чуть-чуть месяцев. Остальное – умирание.

А жена? Ей пятьдесят пять. Официальный рубеж для выхода на пенсию. Боже мой, надо все спрятать, завуалировать... Она этого не вынесет, не переживет. Я уже лет пять чувствую приближение наших дней рождения по ее самочувствию, настроению, даже умело маскируемому поведению.

С женой я познакомился, учась на втором курсе вуза, когда уже думал, что все знаю, всех, кого хотел, поимел, когда мое личное окружение не переставало восхищаться моими заметками, опубликованными в областной молодежной газете. У меня даже было красненькое удостоверение внештатного корреспондента официального печатного органа с моим фото, печатью и подписью главного редактора.

На посиделки к старшекурсникам меня вытащил мой сосед по комнате в общежитии, подводник, весельчак и балагур, который, естественно, в силу возраста (старше нас на пять лет), мало общался с младшекурсниками. Его все звали Леха, а вообще-то по паспорту он был Леонид. И я всегда при всех подчеркнуто называл его Леонидом Ивановичем. При всем при том ему это нравилось. Ведь он не салага какой-нибудь, а моряк-подводник!

Он сказал, показывая на меня, что вот этот парень – хороший журналист, печатается, пришел с ним и принес бутылку «Рояля».

– Закуска – за вами. Девоньки, как – примем моего товарища? Зовут его Андрей. Не смотрите, что он молодо выглядит – он умный и может быть молчаливым и час, и два, и сколько надо...

– А повод-то какой спирт хлестать? – спросила моя будущая жена по имени Мила и посмотрела мне прямо в глаза, как следователь на допросе.

– Повод элементарный, – сказал с пафосом подводник Леха, – День Парижской коммуны. Как историк гарантирую – ни одна проверка ни слова не скажет. А потом – выход нового фильма о подводниках... Это моя профессиональная гордость и принадлежность.

– Лёночка, у тебя нюх собачий! Мы молчали, никого из мужиков не хотели звать, но ты пришел, и тебе мы не можем отказать. Вчера у Светки был юбилей. Она, естественно, смоталась на день к маме с папой, а вот сегодня накрыла стол. Так что ваш «Рояль», надо понимать, будет подарком на двадцатипятилетие Светланы Константиновны!

– Дура ты, Милка! – сказала красивая высокая девушка с копной черных кудрявых волос. – Всё готова разболтать, даже о моих двадцати пяти проболталась...

– Светик, тебе только двадцать пять. И ты совсем скоро заканчиваешь вуз, и уедешь по распределению, и станешь абсолютно самостоятельным человеком. А тебе – всего-то двадцать пять! Так что кто из нас дура? Мне вот уже восемнадцать, и ничего – не дергаюсь по поводу того, что закончу институт почти в двадцать шесть...

Раздался дружный смех. Я ничегошеньки не понял с их возрастами. Усвоил только одно: вот этой красивой статной черноволосой женщине вчера исполнилось двадцать пять. Это плохо, потому что мне девятнадцать и они, все пять женщин, собравшихся здесь, скорее всего, вышибут меня отсюда как малолетку.

– Андрей, насколько я помню, ты стихи пишешь? – спросила опять Мила.

– Нет, я об этом никогда не говорил. У меня лучше заметки получаются...

– Пока суть да дело, почитай!

– Нет, я лучше Окуджаву почитаю. Можно?

– Его мы и без тебя почитаем, – вставила Светлана Константиновна. – Ты вот умудришь своими понравиться!

– Ну, хорошо. Только не обижайтесь, если что.

И я начал читать, подражая, а может, и сдирая у кого-то из символистов:

– Эта черная ночь – словно черная кошка.

А черная кошка – как черная ночь.

До счастья осталось совсем немножко —

Лишь черную кошку в душе превозмочь...

Воцарилась гробовая тишина. Все смотрели на меня. Леня начал ежиться. Я знал, что он любит стихи, читает их по пьянке часами, причем в аудитории не нуждается. Нередко слушателем становился я один, и он мог всего Есенина до полуночи читать. Видимо, он раздумывал, как меня спасти.

– А еще? – попросила девушка, имя которой я не знал, но где-то видел ее в коридорах вуза.

– Да, Андрей, пожалуйста, почитай еще! – сказали сразу несколько девушек.

– Ну, хорошо, – сказал я. – Это мой товарищ написал, еще в Москве, куда я случайно попал... Ну, это неважно.

И без перехода:

– Я иду по глубокой сини,

Закатав штаны до колен.

Улыбаются кровью осины,

Где-то дальний костер догорел...

В дверь громко постучали. Я умолк, машинально подвинулся к окну. Стук повторился и требовательный голос:

– Девочки, откройте! Комендант!

– Не закрыто! – как-то грубо и с пренебрежением крикнула Светлана.

В комнату вошла женщина в очках и с большими белыми оголенными руками, в платье с вырезом до пышных груди и букетом цветов.

– Господи, Наталья Семеновна, ну вы как всегда! – сказала мягко, пытаясь, видимо, сгладить Светкину грубость, Мила. – Только командирским голосом вы можете общаться с нами...

– Нет, это шутка. Я вас люблю как выпускников. Вы моя опора и надежда вот перед такими сопляками, – комендант показала на меня рукой.

– Ну что вы так огульно, Наталья Семеновна! – встрял Леонид. – Это наш писатель, признанный журналист, его девочки сегодня специально пригласили на свое мероприятие...

– Ладно, балабол! – сказала комендант. – С тобой у меня будет официальный разговор, но только не сегодня. Не будем Светочке праздник портить. С днем рождения, тебя, дорогая ты наша красавица, активистка, моя помощница по наведению порядка и дисциплины! Вот сразу чувствуется, что человек из военной семьи!

Она на удивление быстро вручила цветы, расцеловала Светлану, категорически отказалась сесть за пока еще не до конца накрытый стол и удалилась, сказав на прощанье:

– Приглядывайте за этими, смотрите, чтоб не надрались!

Спирт – коварная штука. Когда мы с вина, которого, естественно, не хватило, все-таки перешли на спирт, то скоро-скоро стали без конца говорить друг другу:

– А ты меня уважаешь?

Мужиков в компании не прибавилось, и поэтому Леха, как абсолютно здоровый и потребный человек, шел на ура. Мне, который соблюдал рамки приличия по праву варяга и которого могли выгнать в любую минуту, было видно гораздо больше, чем остальному подвыпившему сообществу. Леха уже минимум дважды выходил то с одной, то с другой девушками, отсутствовал минут по десять-пятнадцать. Курили, нет в этом ничего предосудительного. Но такую же операцию и я проводил не раз, только у себя, на младших курсах. За эти десять-пятнадцать минут мы такое вытворяли в конце длинного коридора, в комнатах, которые назывались душевыми, что черту бы там было страшно появиться. Света, Мила и еще одна девушка, которую, кажется, звали Нина, сидели за столом и тихонько пели задушевыми голосами. Песни лились грустные, как правило, о неразделенной любви и все такое прочее.

Я маялся без дела, без понимания и поддержки, без выпивки, которую одному принимать не хотелось. Наконец на дальней тумбочке я нашел проигрыватель, покрутил-повертел его, выбрал пластинку, поставил фокстрот и включил. Да так громко получилось с непривычки, что все вздрогнули.

– Вот молодежь, не даст вздремнуть! – сказала Нина. – А ну-ка, идем танцевать! – и потащила меня за руку.

Мы станцевали на «пять», легко, слившись в едином экстазе. Это не мои слова, классика цитировали девочки-филологи. За Ниной потанцевать захотелось Миле. Нам с ней выпал «Маленький цветок». Она до того расчувствовалась, что в конце вообще положила мне голову на плечо. Свете танцевать не хотелось, она демонстративно не выходила из-за стола. Потом еще зазвучал медленный танец, и нам волей-неволей пришлось снова идти с Милой, потому что Нину стал обрабатывать освободившийся к этому времени Леонид. Я чувствовал, принимал все ее тело, почему-то вздрагивающее при каждом прикосновении моих рук к ее груди. Стал прижиматься покрепче, почувствовал упругость груди, живота, спины.

«Ничего, – думал я, – девочка вполне стройненькая и упругая. Наверное, спортом занимается».

Спросил:

– В секцию ходишь?

– Да, еще со школы лыжами занимаюсь, по первому разряду бегаю...

– Ни фиги себе!

– А ты?

– Говорят, в армию могу загреметь. Военную кафедру аннулировали, не знаю, что теперь делать.

– Скоро?

– Не дожидаясь зимней сессии.

– Грустишь?

– Ужасно.

– Девушка есть? Переживает?

– Какая дура будет ждать столько времени? Сейчас все проще. Сошлись, контакт есть, – значит, и секс пойдет. Пожили, пока не надоест, и разбежались. Без проблем и претензий.

– А Леня – твой друг? Он же служил, скажет, что нужно делать.

– Он сосед по комнате. Хороший мужик, но зачем его парить чужими проблемами? А ты – с парнем? Почему одна сегодня?

– Все осталось на малой родине. Забыли друг друга... В общем, длинная история, не в мою пользу.

– Пойдем покурим?

– Я не курю. Но с тобой выйду проветриться. Пока Леня здесь спирт уговаривает, курилка свободна, – она хитро посмотрела на меня, первой пошла к выходу.

Я абсолютно точно почувствовал, что она сейчас будет моей. Что-то во взгляде у нее было такое: и желание, и бесшабашность, и женская притягательность. Нельзя сказать, что она была красавицей. Но все было при ней: рост, груди, ноги, лицо с чуточку курносый носом. В общем, на первый взгляд, вполне приличная девушка.

Я первым поцеловал ее, когда мы зашли в царство белого кафеля душевых комнат. Она ответила спокойно, без надрыва и страсти. «Наверное, опыта нет», – подумал я и решил ей преподать урок. На второй-третий поцелуй она вдруг стала реагировать, обхватила мою голову, стала тихо постанывать, когда я касался ее языка.

– Поверни ключ, – только чудом расслышал я эти слова.

Я вскочил, запер дверь в комнату и тут же вернулся к ней на жесткую лавку.

– Я не хочу ложиться на эти доски, – сказала она.

– Встань и стой спокойно. Я все сделаю сам.

Нет, ничего подобного: она сама сняла блузку, расстегнула лифчик, сбросила юбку и осталась в маленьких белых трусиках. У неё было прекрасное тело. Ноги, правда, чуточку коротковаты, но какие груди, бедра! Втянутый живот состоял из одних мышц. Я уже тоже стоял голый, обнял ее, прижался к ней. Мне было страшно неудобно из-за нашего примерно одинакового роста. Тогда Мила сняла трусики и поставила ногу на лавку...

Обратный процесс одевания я не видел. Очухался, когда мы уже выходили из душевых комнат. Мила была невозмутимой, лишь глаза выдавали то счастье, которое накопилось в них за эти пятнадцать минут. Прошлись до конца коридора, вернулись назад к их комнате, встали. И она сказала:

– А теперь иди и думай до завтра, стоит ли тебе возвращаться сюда. Я не шучу. Скоро я заканчиваю институт. Надо обо всем крепко подумать.

...Я пришел к ней и сказал, что не могу больше без нее, и спросил, будет ли она ждать меня из армии. Мила ответила, чтобы я посоветовался с родителями, поухаживал за ней, хотя бы немного.

– Я должна привыкнуть к тебе, – сказала она. – А там примем решение.

Но эта показная холодность разбивалась о наши жаркие встречи в постели. Мне никогда ни с кем не было так хорошо, уютно, страстно. И я полностью захватил ее своей неумной, ненасытной энергией. Она уже не могла без меня, моих ласк и поцелуев, без стонов и, чтобы не разбудить соседей по общежитским комнатам, без сдавленных криков. Я все чаще стал провожать Леню в ночную лабораторию НИИ «Стройконструкция»: ему всегда были нужны деньги

и он с удовольствием перехватывал мои дежурства. Третья койка в комнате, на наше счастье, была свободной.

Служить в армию я пошел женатым: моя жена Людмила Константиновна Ермолова (в девичестве Гусева) к этому времени была на четвертом месяце беременности. Вот так естественно и просто все разрешилось. Старший сын родился, когда я уже получил звание младшего сержанта. Приехал на побывку, дали мне из-за малости моей службы всего пять дней.

– Ну два выходных еще прихвати. Но в понедельник к восьми ноль-ноль – как штык! – сказал миролюбиво старшина роты. – Я с ротным договорился. Поцелуй сына от имени всей нашей роты. Ты молодец, сержант! Вот так надо служить.

Мила была замотанная, но вся светила. Она любила меня, наверное, больше, чем я ее. Хотя я так ее любил, что на первых порах в армии не находил себе места. Она металась между мной и сыном. Ночью, когда малыш спал, мы разговаривали. Я говорил, что пойду сразу в газету, буду зарабатывать, а с институтом год-другой потянем, успею закончить. Она была категорически против: только учеба. В этом ее поддерживали родители. А моя мама говорила:

– Ничего, сообща вытянем и сына, и учебу. Работай внештатно, зарабатывай гонорар.

Потом я гладил ее белое, мягкое, ставшее после родов округлым тело и не мог налюбоваться женственностью, которую оно приобрело. По сравнению с ней я так и оставался пацаном, на чью голову вдруг свалилось отцовство. Нет, конечно, сына я любил, просто обожал, но через пять... четыре... три и так далее дней мне надо было возвращаться в часть. И прощай моя молодая семья еще на два года! Я думал, что от этой мысли сойду с ума.

Опять помогла жена, вернула мне силы, а главное – надежду, когда твердо сказала, что если вырвусь в отпуск к моменту окончания ее проблем и женских запретов, то с рождением второго ребенка меня отпустят домой. Я не смог вырваться домой. Тогда Мила приехала ко мне всего на сутки: малыша нельзя было надолго оставлять без матери. Сняла дом в деревне, и мы любили друг друга страшно вспомнить сколько раз, и не предохранялись, и бесконечно «улетали». Но тогда Господь не дал нам ребенка. В дальнейшей нашей жизни это счастье случилось только через пять лет.

Так вот и набралось тридцать лет супружеской жизни, перевалили серебряный юбилей.

«Людмила-Мила-Милка (как у Толстого в повести о породистой красавице – охотничьей собаке Милке)... Что я тебе скажу сегодня? – думал я, трясясь на рельсовых стыках линии метро. – Скажу, что очень люблю тебя. И что мы никогда не расстанемся, до самой смерти. Ни при каких обстоятельствах! Сейчас я наведу ванную с отварами, возьму тебя, маленькую, с больными ножками, и отнесу в это лекарственное царство. Потом насухо вытру полотенцем и снова понесу на руках в постель. А потом ты будешь моя, любимая женщина... Пропади пропадом эти ревматизмы! Вот же гадость: на машине ездить может, а ходить, передвигаться – нет...»

Гнусавый голос объявил мою остановку следующей. Я скомандовал себе: «Все, встал, собрался, домой! К больной, старой, но моей любимой жене!»

Глава девятая

Мы обеспечили тылы, нашли алиби и встретились с Юлией на скамейке у памятника Великому доктору. В парк нельзя было идти: слишком излюбленное место прогулок нашего брата – чиновничества из Комитета. Пошли по тихим улочкам. Концовка жаркого лета напугала горожан несколькими прохладными дождливыми днями, и вот сразу упало на их головы теплое, ласковое бабье лето. Мы даже не успели переодеться в осенние одежды для холодов.

Юля несла пыльник на руке, на ладони болтался ремешок небольшой сумочки. Походка от бедра, опять легкое шелковое платье светло-вишневого цвета, косынка папирусного оттенка и туфли на неизменных высоких каблуках. Только сегодня они были под цвет платья – темно-вишневыми.

Я – в том же костюме в полоску, как и в тот памятный первый рабочий день, хороших разношенных ботинках, дорогой рубашке из «Стокмана», купленной по случаю за полцены. Галстук снял и спрятал в карман пиджака.

Несколько дней Юлия старалась меня не замечать, мимоходом здоровалась, вместе со всеми внимательно слушала мои речи на утренних планерках, не выпячивалась, вопросов не задавала. Всю мелочевку решала с Нинель Иосифовной.

«Вот это школа! – невольно восхищался я ее поведением. – Да, таких женщин у меня еще не было. Это, наверное, своеобразный карантин, что ли, пауза, взятая для раздумий. А может, все гораздо проще: справила потребность, успокоила любопытство, подвесила на крючок на всякий случай – и пока...»

В таких раздумьях я пребывал несколько дней. Но потом успокоился, закрутилась колесо подошедших дел и мероприятий на публику, забывать даже стал девушку. С удовольствием встречался с Леной в предбаннике начальника, пил кофе, дышал ее молодым телом. Тогда же почему-то впервые подумал: «Как же мерзко, наверное, смотрится старый козел рядом с такой молодой и свежей девочкой, как Елена!»

Мысль не новая, где-то я уже такое не раз читал. Не помню, тогда меня это не зацепило. Наверное, был помоложе. А вот теперь зацепило, вспомнил... И даже не знаешь, как себя вести. Не обращать на нее внимания – глупо, мы один коллектив. Лезть с разговорами – сочтут за старческий маразм или, того хуже, пошлое кокетство.

Меня это волновало по чисто прикладному и шкурному интересу: все это я мысленно переносил на Юлию. Ведь там тоже разница почти двадцать лет. Но на четвертый-пятый день я смирился: переосмыслил свое значение в нашем бурном знакомстве. Интерес прошел, надо выстраивать наши обычные отношения, как и со всеми. И вперед. «А прощальные слова? – не унимался я. – А глаза влюбленной женщины, а мой страх чего стоил? Жаль, чисто по-мужски жаль совсем потерять такую женщину!»

Потом был звонок по телефону, причем когда Нинель Иосифовна ушла в главный корпус. Почти шепотом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.